

31. Oktober bis 6. November 2014 Nr. 44/8759

>> АЛЕКСАНДР ДЕДЕРЕВ

>> ЭРНСТ БООС

>> ЕЛЕНА ЗЕЙФЕРТ

>> СВЕТЛАНА АНАНЬЕВА

>> 2

>> 5

>> 5

>> 10

JUBILÄUM

ZUM 80. GEBURTSTAG

Der russlanddeutsche Schriftsteller, Literaturkritiker und Übersetzer Herold Belger ist 80 Jahre alt geworden. Sein Schicksal prägte sein Leben und bereicherte es gleichzeitig. Nach wie vor glaubt er an die Kultur der Russlanddeutschen. Zum Jubiläum widmet ihm die DAZ diese Ausgabe.

Von Dominik Vorhölter

1954 an der Abai-Universität in Alma-Ata immatrikulieren.

„Ich bin Fatalist“

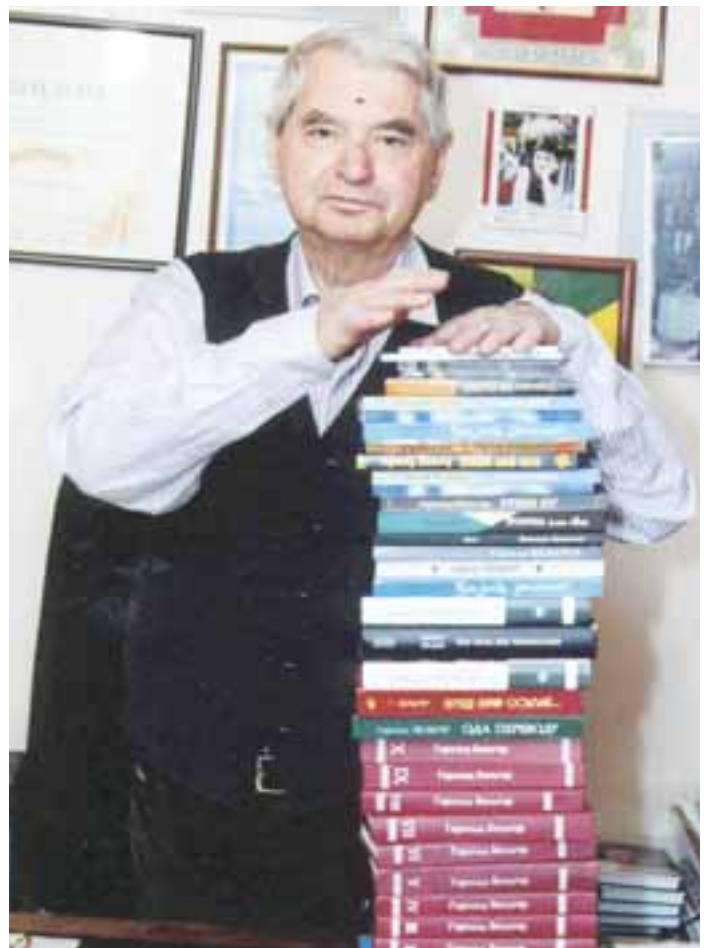
Berühmt geworden ist Belger mit seiner Übersetzung des Werkes von Abai Kunanbajew aus dem Kasachischen ins Russische. Ebenso widmete er sich der Literatur der Russlanddeutschen, die er auch ins Russische übersetzte.

„Ich sage immer, dass die Russlanddeutschen eine besondere Ethnie sind. Das Volk der Russlanddeutschen hat seine eigene Kultur, seine eigene Literatur, seine eigene Charaktereigenschaften,“ sagt Herold Belger. Er glaubt fest an die Kultur der Russlanddeutschen und steht auch heute noch im ständigen Briefwechsel mit russlanddeutschen Schriftstellern, egal ob sie ausgewandert oder geblieben sind.

Das Leben des jungen Belger war geprägt von Schicksalsschlägen. Mit zwölf Jahren ist er schwer erkrankt, musste auf Krücken in die Schule gehen. Er ließ sich jedoch nie unterkriegen. „Ich bin auf eine Art Fatalist“, gibt er zu.

Schreibend bleibt er sich selbst und seinen Lesern erhalten, auch im hohen Alter. „Nachdem ich einen Herzinfarkt und einen Schlaganfall erlitten habe sagte mir eine Stimme: Solange du noch mit der Schreibfeder auf dem Papier herumkratzst, werde ich dich in Ruhe lassen. Sobald Du damit aufhörst, hole ich dich“. Belger schreibt und bleibt. Wenn es keine Prosa ist, dann arbeitet er an einer Kritik oder eben an einer Übersetzung.

Herold Belger war seit 1992 Herausgeber der Literaturzeitschrift „Phönix“ und von 1994 bis 1995 Abgeordneter im obersten Rat der Republik Kasachstan. Sein Roman „Haus der Heimatlosen“ erschien 2010 auch in deutscher Sprache. Er handelt vom Neuanfang der Russlanddeutschen in Kasachstan und ist gleichzeitig eine authentische Erzählung ihrer Geschichte.

Er ist Träger des Bundesverdienstordens für seine Verdienste um die Völkerverständigung zwischen Deutschland und Kasachstan und ist eine Symbolfigur: Der Schriftsteller, Übersetzer, Publizist und Literaturkritiker Herold Belger feiert seinen 80. Geburtstag.

Träger dreier Kulturen

Er ist in Kasachstan und Deutschland als Mittler zwischen drei Kulturen bekannt – der deutschen, kasachischen und russischen. Denn er ist als ethnische Deutsche im kasachischen Umfeld aufgewachsen. Geboren wurde er am 28. Oktober 1934 in Saratow. Von seinen Großeltern lernte er den Hessischen Dialekt. 1941 wurde er mit seinen Eltern nach Kasachstan deportiert.

Dort wuchs er in einem Aul auf und begann dort Kasachisch zu lernen. Diese Zeit hat sein Leben und Schaffen bis heute geprägt. „Die Verflechtung dreier Kulturen ist mein größter Reichtum. Ich trage mit mir drei Säcke herum: einen russischen, einen kasachischen und einen deutschen. Wenn man nur einen davon entfernt, dann wird mich das verarmen“, sagt der berühmte Literaturkritiker über sich.

Nicht nur drei verschiedene Kulturen und Sprachen, sondern auch das Schreiben haben Belger geprägt. Schon als junger Schüler hat er Tagebücher und Gedichte geschrieben, zuerst in kasachischer, später während des Studiums, in russischer Sprache.

Vor allem seine Sprachkenntnisse verhalfen ihm damals dazu, sich an der Abai-Universität zu immatrikulieren. Für ihn als ethnischer Deutscher war ein Studium damals unerreichbar. Dies änderte sich mit dem Beginn der Chruschtschew'schen Tauwetterperiode. Er durfte sich erst im Jahr

ВНИМАНИЕ: НАЧАЛАСЬ ПОДПИСКА НА 2015 ГОД. ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС ГАЗЕТЫ - 65414.

Ab Januar 2015 erhalten Sie für 3514,80 Tenge (Kazpost) jede Woche eine DAZ in ihren Briefkasten, egal ob nach Hause oder ins Büro. Sie können uns anrufen unter +7 (727) 263-58-08 oder E-Mail schreiben: manager@deutsche-allgemeine-zeitung.de. Besuchen Sie uns auch im Internet unter: www.deutsche-allgemeine-zeitung.de.

С января 2015 года вы можете получать DAZ за 3514,80 тг. (Казпочта) еженедельно на ваш домашний адрес или в офис. Вы можете позвонить по тел. +7 (727) 263 58 08, или сообщить на e-mail: manager@deutsche-allgemeine-zeitung.de. Вы также можете посетить наш сайт: www.deutsche-allgemeine-zeitung.de/ru.

ЮБИЛЕЙ

«ГЕРОЛЬД БЕЛЬГЕР – СОВЕСТЬ НАЦИИ»

Двадцать восьмого октября свой юбилей отметил замечательный человек, патриот нашей страны – Герольд Карлович Бельгер. В Республике Казахстан он является заметной фигурой, и не только в контексте его литературного вклада, но и в политике. Доказательство этому – вручение в 1994 году высочайшей награды ордена Парасат под первым номером, как признание заслуг человека, оказывающего значительное влияние на жизнь всего казахстанского общества.

Александр Дедерер, председатель Ассоциации общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение»

Герольд Карлович утверждает: «Я интересен тем, что я казах, знающий немецкий язык, и немец, владеющий казахским». Творчество Герольда Бельгера – переплетение казахской и немецкой культур.

Будучи активным участником немецкого национального движения «Возрождение», он сделал немало для его развития. Я помню, как он неоднократно выступал с заявлениями, что эмиграция немцев в Германию не решит проблем, что необходима полная политическая реабилитация советских немцев.

Высказывания Герольда Карловича по поводу возрождения национального самосознания широко известны среди немцев, ныне живущих и в Германии, и в странах СНГ. В равной степени, как и его высказывания о казахской культуре. Неоднократно писатель выражал свою боль и озабоченность по поводу утраты родного языка казахами и немцами. Затрагивает он это в своих произведениях, показывая необходимость сохранения национальной традиционной культуры.

Герольд Бельгер является совестью нации, и это огромная ответственность. Он никогда не поддавался на конъюнктуру или удобные веяния времени, всегда отстаивал свою гражданскую и творческую позицию, чем снискал

глубокое уважение народа Казахстана. В возрасте восьмидесяти лет Герольд Карлович продолжает творить, сохранил ясность и живость ума, работает в интересах общества. Его обращения к народу всегда проникнуты стремлением к справедливости, отражают его духовное богатство.

В этом году Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» и Национальный совет немецкой элиты учредили золотую медаль «Wiedergeburt», которая будет вручена Герольду Карловичу. Эта награда –

наша скромная оценка его вклада в развитие немецкого национального движения и казахстанского гражданского общества. Мы надеемся, что он и впредь останется активным участником общественной жизни. Мы очень нуждаемся в его добром совете, понимании, беспристрастной оценке нашего труда, в мудрых наставлениях.

От всей души желаем писателю, переводчику, критику, общественному деятелю Республики Казахстан Герольду Карловичу Бельгеру плодотворных творческих лет, здоровья и благополучия!

■ вклад – *Beitrag, m*

■ влияние – *Einfluß, m; Einwirkung, f*

■ затрагивать – *berühren*

■ ответственность – *Verantwortung, f*

Verantwortlichkeit, f

■ беспристрастный – *unparteiisch*

unvoreingenommen

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

«ЕГО ПРИМЕР – ДРУГИМ НАУКА...»

Эта фраза А.С.Пушкина характеризует юбиляра Герольда Бельгера наиболее точно. Вся жизнь Герольда Карловича состоит из определенных целей, программ и задач. Упорство, трудолюбие и целеустремленность всегда помогали ему достичь и реализовать задуманное. Его талант многогранен – известный писатель, талантливый критик, искусный переводчик.

Иван Сартисон, ветеран немецкого движения

Вся его жизнь, начиная с детства и до 80-летия, насыщена борьбой. Сначала с болезнью, в самый сложный момент военного времени, после депортации, в невообразимых бытовых условиях. Но мальчик выстоял после этого жестокого удара судьбы.

Далее – овладение незнакомыми языками: сначала казахским, затем русским. Вхождение через них в науку. Юноша крепчал, готовился «штурмо-

вать» технический вуз. Но из-за национального признака этому не суждено было сбыться. Очередной удар, но вот именно здесь вспоминается известная поговорка «Что ни делается, все к лучшему». Герольд Бельгер всецело погружается в языкознание, увлекается тюркологией. Учеба дается легко, юный студент везде преуспевает.

С Герольдом Бельгером я впервые встретился почти 50 лет назад, во время первого семинара литераторов в редакции немецкой газеты «Freundschaft». Созданная в Казахстане газета стала

символом возрождения самобытности советских немцев. Литераторы часто собирались в её стенах, решая проблемы униженных соплеменников.

Волею судьбы в Алматы почти сорок лет я проживаю по соседству с писателем. Мы регулярно видимся, общаемся. Много лет назад по долгу службы, являясь корреспондентом немецкой газеты, я побывал у родителей писателя. Они были удивительными людьми, поэтому и сын их стал таким выдающимся человеком. Родители Герольда Карловича были очень тру-

долобивыми, имели большой трудовой стаж. В доме солидная библиотека, полный набор музыкальных струнных инструментов, уникальный немецкий порядок во всем.

Все это впитал в себя Герольд Бельгер. Это же вместе со своей супругой Раисой, педагогом по образованию, привил своей дочери и внуку, которые сегодня проживают в Москве. Родители, дети, внуки – как они все похожи, все они ветви родового древа Бельгеров.

С юбилеем, дорогой Герольд Карлович!

BRIEF

AN HEROLD BELGER

Irgendwie kam ich nie dazu, Ihnen einen Brief zu schreiben, in dem ich Ihnen all meine Sympathie, Bewunderung und Hochachtung aussprechen wollte. Sehr oft spielte ich mit dem Gedanken, Sie einmal mit meinen ausführlichen, nostalgisch-ironischen Überlegungen aus der Heimat unserer Ahnen zu überraschen, Ihnen zu erzählen, wie es mir so geht, womit ich mich beschäftige, wofür ich mich interessiere und wonach ich mich sehne. Mein Schweigen hielt lange an, viel zu lange, als es überhaupt verzeihlich ist.

Rose Steinmark/Münster

Sehr geehrter Herold Karlowitsch,
Bei Spaziergängen durch meine neue, schöne Heimatstadt Münster, habe ich mir in Gedanken öfters vorgestellt, wie Sie diesen Brief dann erhalten und lesen würden. Es verflossen Tage, Monate, Jahre, meine innere Gespräche mit Ihnen lösten sich aber irgendwann in feinsten Nebelstreifen auf und verirrten sich im Nirgendwo...

Es verflossen anderthalb lange Jahrzehnte. Ich las Ihre Veröffentlichungen in der DAZ, suchte nach Neuerscheinungen, die Ihrer Feder entstammten und freute mich jedes Mal, wenn ich Ihren Namen unter einem neuen Titel entdeckte. In meinem Computer speichere ich kritische Beiträge, wissenschaftlich-philologische Abhandlungen, Interviews, Auszüge aus den Werken, die mit dem Namen Herold Belger signiert sind. Nach jeder Neuerscheinung fragte ich mich: Wann schafft er es bloß, woher nimmt er die Zeit, um alle Bücher zu lesen und zu rezensieren, an welcher Tageszeit schreibt er seine eigenen Werke, aus denen die Weisheit und die tiefe Philosophie seines deutsch-kasachischen Lebens sprudelt?

Lieber Herold Karlowitsch,

Sie kennen Jeden und Jeder kennt Sie. Sie sorgen sich um die Zukunft unserer russlanddeutschen Literatur – ermutigend und hoffnungsvoll klingt Ihr Ton, wenn Sie über das Werk eines Anfängers sprechen, Jubel, vermischt mit wahrer Entdeckungsfreude, wenn Sie über das Schaffen eines gemachten Literaten schreiben. Stets mit Respekt, Anerkennung und Zuversicht.

In einem Ihrer Beiträge schreiben Sie, dass die tägliche Post Sie dauernd mit Paketen von neuen Autoren überschüttet, dass sich auf Ihrem Arbeitstisch und Balkon viele Zeitschriften und Bücher gestapelt haben und, dass Sie langsam den Überblick verlieren... Kann ich gut verstehen!

Andererseits aber frage ich mich: Wem sollten die Autoren ihre Werke sonst noch schicken??? Ich kenne keinen anderen russlanddeutschen Schriftsteller, der nicht nur Werke unter seinem Namen verfasst, sondern sich auch Zeit für andere Schrei-

benden erübrigt, um ihre Werke eingehend und fachkundig aus kritischer Sicht zu beurteilen, um sie zu ermutigen und zu unterstützen. Wie aus dem Horn der Almathea, unermüdlich und unaufhörlich, schöpfen Sie aus unserer russlanddeutschen Literatur jeden brauchbaren Tropfen und fügen ihn der reinen Schatzquelle hinzu: behutsam, liebend, respektvoll.

In Ihrem Archiv, dass sie sorgfältig in Ihrer kleinen Wohnung wahren, haben sich im Laufe der Zeit echte Schätze angesammelt: Bücher, Bilder und Briefe, in denen unsere Schriftsteller und Dichter ihre verborgenen Gedanken mit Ihnen teilten: Nelly Wacker, Friedrich Bolger, Alexander Reimgen, Nora Pfeffer, Dominik Hollmann – und viele, viele andere Koryphäen unseres literarischen Schaffens vertrauten und vertrauen Ihnen ihre innigsten Überlegungen und Gemütsbewegungen an, weil sie Ihnen vertrauen konnten und können, weil sie wussten und wissen: auf Sie und Ihr Wort kann man sich verlassen!

Als ich Ende der 1990er beschloss, mit dem „Guten Abend!“-Team eine Sendereihe über das Schaffen unserer Schriftsteller zu drehen, kam ich zu Ihnen. Ehrlich gesagt, glaubte ich nicht, dass Sie meinem Vor-

schlag, diese Sendungen zu moderieren, entgegenkommen würden. Gründe für eine Absage waren reichlich vorhanden, darunter auch Ihre angeschlagene Gesundheit. Aber Sie sagten überraschend zu, und es entstand die Sendereihe „Sonnenspuren“. Wie leicht und sachkundig Sie über jeden Autor sprachen, welche interessanten biografischen Einzelheiten Sie unserem Zuschauer verrieten, ist einfach nicht zu überschätzen. Heute weiß ich: Ohne Sie wären diese bereits historischen Streifen nie zustande gekommen.

Als ich mir vor kurzem, in einem Anflug von nostalgischen Erinnerungen, die Folgen wieder ansah, dachte ich an die Zeiten, wo wir diese Sendungen machten, zurück. Ich erinnere mich, wie Sie mir jedes Mal vor den Studiaufnahmen ein und dieselbe Frage stellten: „Was soll ich denn heute erzählen? Ich habe da einiges mitgebracht, ob das von Interesse wäre?“ Diese Frage konnte ich niemals beantworten, weil meine Quellen, aus denen ich Informationen schöpfte, im Vergleich zu gering waren (und sind!).

Sie saßen vor der Kamera, vor Ihnen stapelten sich auf dem Tisch Bücher, Zeitungsausschnitte, Briefe, Fotos aus Ihrem persönlichen Archiv. Sie saßen paar Sekun-

den still da, schauten auf den Tisch und begannen leise zu sprechen: Sie sprachen eine ruhige, einfache und zugleich schöne, vorzügliche, reichlich mit Synonymen bestickte Sprache und schilderten den Schaffensweg des Autors, dem wir unsere Sendung widmeten.

Ich erinnere mich, wie Sie in der Dokumentation über Friedrich Bolger mit sichtlichem Humor erwähnten, dass man Sie einmal in einem Dorf bei Taschkent mit dem Schriftsteller Bolger verwechselte, weil sein Name zur damaligen Zeit dem Leser ein Begriff war. Und Sie waren demgedrungen gezwungen, sich zu „rechtfertigen“ und zu erklären, dass Sie nicht der große Schriftsteller Bolger sind, sondern „nur“ der Literaturkritiker Belger, aber mit Bolger seien Sie auch bekannt... Vor ihnen lagen Briefe des begehrten Autors und die Briefe seiner Witwe, die auch nach dem Tode ihres Mannes nicht aufhören konnte, Ihnen zu schreiben...

Ich könnte mir vorstellen, dass heute, falls Sie wieder in diesem Dorf auftreten würden, die Leser genauso begeistert von Ihnen und ihrem Schaffen wären, wie vom Schaffen Bolgers. Und sie würden sich sicher auf ihren Landsmann Herold Belger freuen und würden ihm unermüdlich Fragen zu seinem Leben stellen, einem beneidenswerten schönen, domenvollen und besternten Leben.

Geehrter Herold Karlowitsch,

ich habe keine Ahnung, welcher gute Geist Ihnen, aus Ihrer barfüßigen Kindheit in einem kleinen kasachischen Aul zum Olymp unserer russlanddeutschen Literatur verhalf, aber ich bin sehr stolz darauf, dass sich unsere Wege ganz kurz kreuzten und dass ich das große Glück hatte, Sie kennenzulernen, um mit Ihnen eine kurze Strecke dieses Weges zu gehen. Vielen Dank für die schönen Erinnerungen, die Sie in meinem Herzen hinterlassen haben und die mir in den vergangenen Jahren bei meinen bescheidenen literarischen Versuchen stets als vertraute und kräftige Stütze dienten.

Blieben Sie gesund und zeigen Sie der Welt auch weiterhin, was aus dem kleinen deutschen Jungen aus dem entfernten kasachischen Aul geworden ist! ■

Уважаемый Герольд Карлович! Примите поздравление со знаменательной датой – Вашим 80-летием!

Ваша плодотворная просветительская деятельность, подвижнический труд, направленный на сохранение исторического, духовного наследия, во многом повлияли на культурную и общественную жизнь, прежде всего, российских немцев. Своими трудами Вы снискали искреннюю любовь, уважение коллег и читателей, а Ваши знания и опыт востребованы в общественной жизни.

Желаем Вам крепости сил и духовной бодрости.

Ирина и Роберт Лейнонен, Лауша.

Sehr geehrter Herr Herold Belger,

ich erlaube mir, mich in die große Zahl Ihrer Gratulanten einzureihen, um Ihnen meine guten Wünsche auszusprechen.

Gemeinsam mit Leonhard Kossuth war ich das erste Mal in Alma-Ata, und wir hatten mit Ihnen intensive Gespräche – über Literatur der russisch-deutsch-kasachischen Autoren. Auch in Berlin trafen wir uns. Ich möchte Ihnen

meinen Dank sagen für die Fülle Ihrer Anregungen, Ihre Briefe, die mich sehr beeinflusst haben. Aus ganzem Herzen danke ich Ihnen für Ihre Worte, die ich nicht vergesse.

Ich wünsche Ihnen alles Gute.
Erika Voigt, Berlin

Многоуважаемый Герольд Карлович!

Ваш вклад в культуру нашей национальной группы глубок и многогранен. Ваши труды о российско-немецких литераторах имеют неограниченное значение для нашего культурного наследия.

«Es wird die Spur von Ihren Erdentagen nicht in Äonen untergehen». Эти перефразированные строки Гете в полной мере относятся к вам.

Своей деятельностью Вы сохраняете память о классиках российско-немецкой литературы, к коим с полным правом относитесь и Вы сами.

К юбилею хотим пожелать Вам здоровья и сил для выполнения всех Ваших задумок и планов.

С глубоким уважением Рудольф и Юрий Бендер, Гамбург.

Generalkonsulat
der Bundesrepublik Deutschland
Almaty

Raban Richter, Kulturreferent des Generalkonsulats der Bundesrepublik Deutschland

Wer nach Kasachstan kommt und mit Geschichte und Schicksal der deutschen Minderheit in Kontakt tritt, stößt über kurz oder lang auf den Namen Herold Belgers, in dessen Werken dieses Schicksal in zahlreichen Facetten beleuchtet wird. Wer sich weiter mit ihm beschäftigt wird dann feststellen, dass Herr Belger nicht nur in der deutschen, sondern auch in der kasachischen und russischen Sprache und Kultur beheimatet ist und in allen drei Sprachen geschrieben und publiziert hat. Es gibt nur wenige Schriftsteller von Rang, die dies in zwei Sprachen fertiggebracht haben – geschweige denn in drei.

Insofern ist er ein sehr seltenes und ganz besonders faszinierendes Beispiel eines Schriftstellers und Kulturmittlers, der zwischen den Kulturen wandelt und diese in seiner Person vereint. Anlässlich des 80. Geburtstags von Herold Belger sind bereits jetzt in zahlreichen Medien Würdigungen erschienen, die bezeugen, dass sein Name weithin bekannt ist. Dies ist sicherlich auch der nicht abreißen lassen Kette seiner Veröffentlichungen und seinen über viele Jahre entstandenen Kontakten im In- und Ausland zu danken. Ich wünsche Herrn Belger weiterhin ungebrochene Schaffenskraft, Erreichung seiner Ziele, Gesundheit und noch viele glückliche Jahre.

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

Уалихан Калижанов, директор института литературы и искусства им.М.О.Ауэзова МОН РК, член-корреспондент НАН РК

Прежде чем сказать слово о Герольде Бельгере, хотелось бы остановиться на особой вехе становления и взлета современной многоязычной казахстанской литературы. Ведь литературный мир современного Казахстана невозможно представить без таких ярких имен, как замечательный пушкинист Николай Раевский, проповедник гуманизма Юрий Домбровский, популярнейший писатель-натуралист Максим Зверев, писатель-фронтовик Александр Сергеев и глубочайший романист Морис Симашко. Разные жизненные обстоятельства связали их судьбы с нашей республикой, но каждый из них оставил неизгладимый след в духовной жизни народа. Среди здравствующих писателей нельзя обойти вниманием популярного ныне писателя Анатолия Кима, родившегося на казахской земле и давшего новое дыхание роману-эпопее Мухтара Ауэзова «Путь Абая». А сегодня богатое творческое наследие создает на казахской земле неординарный писатель и переводчик Герольд Карлович Бельгер.

С Герольдом Бельгером произошел поразительный случай, когда изгнание оказалось во благо. В 1941 году семилетним мальчиком он был депортирован с семьей в Казахстан. Так уж случилось, что учиться он начал на казахском языке в аульской школе и органично впитал трехязычие, что наиболее ярко проявилось в первой принесшей ему известность книге «Созвучие: Гете, Лермонтов, Абай».

Обращаясь к творческому наследию величайших поэтов немецкого, русского и казахского народов, Герольд Карлович сумел тонко уловить их духовное созвучие и передать его в прекрасном литературном переводе.

Именно благодаря трехязычию Герольд-ага смог удивить удивительное созвучие лермонтовского перевода стихов Гете «Ночная песнь странника» и абаявских стихов «Темной ночью дремлют горы». С той поры он стал горячим поклонником творчества Абая, и, по его признанию, сейчас он знает наизусть половину произведений Абая, что помогло ему глубоко впитать дух и язык казахского народа и обогатить свой словарный запас. Соответственно, перу Бельгера принадлежат прекрасные переводы произведений казахских писателей.

Благодаря его литературному мастерству русские читатели прониклись интересом к переведенным им произведениям Абдижамила Нурпеисова, Габита Мусрепова, Габидена Мустафина. А в своем личном творчестве он сохранил чувство братской семьи народов, их духовной близости и общности исторической судьбы. Показательны в этом плане его книги «Брат среди братьев», «Мотивы трех струн», «Приметы родства», «Родство», роман «Дом скитальца». И в наши дни его волнуют все те же проблемы созвучия душ и гармонии человеческих отношений, а главное, он остается непримирим к равнодушию и порокам нашего времени.

Неслучайно в одном из своих эссе по любимой теме «Гете, Пушкин, Абай» он пишет: «В дни душевного разброда, суетности и уныния для нас, пребывающих из-за вселенского разлада в растерянности и шоке, едва ли не единственной отрадой, утешением и верой, надежными вешками в пустыне захлестывающей

нас тотальной бездуховности остаются титаны человеческого Духа - Гете, Пушкин, Абай. По воле Судьбы-насмешницы разбрелись мы, неразумные божи создания, по независимым, как возомнилось, нишам-квартиркам, кукуем, кудахчем, верещим каждый на свой салтык в национальных закутках, и уже затхлостью и застоём отдаёт в нашем суверенно-изолированном раю, и только вольный Дух этих великих мужей, как вольный степной ветер, вдохновляет и воодушевляет иногда наши чертвеющие души. Уходят целые пласты времен, сменяются поколения, на карте мира появляются новые границы, исчезают государства, рушатся империи, но неподвластные бесконечным общественным социальным и политическим катаклизмам, гордо и победно манят человечество земные избранники - Гете, Пушкин, Абай, как неистребимо-желанные Свобода, Любовь, Жизнь. И в этом залог нашего спасения».

Сам Герольд Бельгер не случайно стал лауреатом Президентской премии мира и духовного согласия и был награжден орденом Парасат. Еще в Парламенте, когда мы были депутатами Верховного Совета РК и состояли в Комитете по культуре, печати, средствам массовой информации и общественным объединениям, я обратил внимание на его воистину сыновье отношение к молодой казахской государственности. Его волновал массовый в то время отъезд из Казахстана немцев, русских, представителей других наций и он делал все, что в его силах, чтобы как-то повлиять, приостановить этот процесс. И ему, способному глубоко и убежденно мыслить на трех языках, верили, слушали и продолжают верить. И секрет влияния его Слова, думается, в том, что он человек с обостренным восприятием жизни страны и народа, его горечей и печалей. А сердце и мысли его направлены на то, как помочь людям, как построить на казахской земле лучшую жизнь, как поднять дух казахского народа.

Причем он прекрасно излагает свои мысли на казахском языке, глубоко знает душу и традиции народа, среди которого вырос, и в то же время вносит струю европейского мышления и культуры. Поэтому как писатель и литературный критик Герольд Карлович много размышляет о судьбах казахской, русской, немецкой литератур. В этом знаковая и отличительная черта идеального в моих глазах казахстанца Бельгера. Каждый раз, читая Бельгера, я не перестаю удивляться не только

прекрасному владению казахским языком, но и свойственному ему оптимистическому и в то же время ироническому восприятию жизни. Внешне сдержанный в эмоциях, он, как мне кажется, впитал одну характерную для степенных казахских острословов черту говорить конкретно и четко, облачая свои слова в назидательную форму. Вот такой удивительный симбиоз произошел в нем, сочетая в одном человеке холодную немецкую рассудительность и горячую степную страстность. Поэтому вполне органично он в последние годы обратился в своем творчестве к традиции Слов назидания Абая, придав им импульсивное звучание, так как по природе своей Герольд не может тотчас не откликнуться на боли и вызовы нашего времени. Именно таковыми являются выплески его страстных эмоций в «Плетении чепухи».

И что поражает, форма изложения своих позиций настолько характерна для казахских назиданий и иносказаний, что казахстанский немец Бельгер внес свой вклад в обогащение этого казахского народного жанра на русском языке.

Поэтому хотелось бы пожелать многим молодым казахам говорить по-казахски также чисто и образно, как это умеет Герольд. И ведь он не только прекрасно говорит, но и размышляет, и излагает свои мысли пером. Поэтому казах по духу, европеец по натуре, талантливого писателя, исследователя и переводчика считают одинаково близким себе и казахам, и русские, и немцы. На такую высокую вершину читательского признания он взлез на ставшей ему родной казахской земле.

Меня всегда привлекала страстная гражданская позиция Бельгера. Помните, в одном из интервью в конце прошлого года он сказал следующие слова: «Одно время я отчаянно искал национальную идею. В чем ее суть? Чтобы объединить народ, сбереечь. Я думал и пришел к выводу, что наша национальная идея - это казахский язык. Сейчас, честно говоря, в этом весьма сомневаюсь, язык национальной идеей стать не смог...»

Мы живем без национальной идеи, смотрим то на американцев, то на россиян, то на китайцев - не знаем, к кому приладиться. Наша беда - это нехватка самостоятельности, уверенности, что называется, «темир казык» (то есть стержень). Подражательность - это ведь от комплекса неполноценности. Я патриот Казахстана - с семи лет рос в казахском ауле, весь пронизан казахским духом и желаю стране процветания, но я вижу все больше недостатков. То ли позитива нет, то ли я настроен слишком скептически».

Я бы лично не назвал Герольда скептиком. От неравнодушного к положению народа человека всегда больше пользы. Его душа трепетна, как степной ветерок, окружавший его в детстве на степных берегах Ишима. Но она может стать и освежающим самалом, несущим в своем порыве чувство безмерной любви и признательности к тому самому народу, который пригрел в лихолетье и дал ему возможность для стремительного полета.

Пусть щедрая казахская земля продолжает рождать богатых душой и сердцем сыновей от разных населяющих ее народов, у которых один общий путь к утверждению и процветанию под солнечным шаныраком Великой степи. И в моих глазах Герольд Бельгер остается одним из достойных ростков могучего древа казахстанской литературы.

Бейбут Мамраев, ректор атырауского университета им.Х.Досмухамедова, действительный член Международной академии наук, доктор филологических наук, профессор

Герольд Бельгер широко известен, интерес к нему и его творчеству постоянен. Особостью его художественного мастерства выступает цепкая детская память, которая сохранила радужные блики невозвратной жизни немецких сел на Волге. Потому и проза его, несмотря на трагичность страниц истории XX века, к которым он прикасается и художественно воспроизводит, светла и лирична.

Казахская струна в душе Герольда Бельгера звучит высоко и чисто. Он продолжает свою просветительскую миссию, авторитетно и безапелляционно высказывая свое мнение о роли и судьбе интеллигенции в обществе, патриотизме, культуре межнациональных отношений, государственного языка, культурной политике. Но литература остается его судьбой уже в XXI веке, ей он служит самозабвенно и преданно, поэтому строка из Дневника Франца Кафки: «Я весь - литература...» определяет многое в творчестве и жизни Герольда Бельгера. Для коллективной монографии «Литература народов Казахстана», изданной Институтом литературы и искусства им.М.О.Ауэзова МОН РК, Герольд Карлович написал интересную главу «Образы российских немцев в казахской литературе», в которой есть проникновенные рассуждения автора о военных годах и депортации: «... Казахи во всех глубинках своей неохватной страны столкнулись воочию с пришельцами - «немысами», с которыми отныне предстояло им делить в прямом смысле хлеб и кров, радость и горе, жизнь и судьбу. Это величайшее испытание человечности, гуманизма, щедродушия казахи выдержали с честью и достоинством, чем вправе гордиться далеко не все народы на земле».

Дневник писателя, который Герольд Карлович ведет со второго класса, должен ответить на вопрос, КАК и ЧЕМ он жил, КАК и ЧЕМ жили люди, окружавшие его. И вспоминаются Г. Бельгеру слова Абая: «Желаешь быть в числе умных людей, спрашивай себя раз в день, раз в неделю или хотя бы раз в месяц: как ты живешь? Сделал ли ты что-нибудь полезное для своего образования, для земной или потусторонней жизни. Не придется ли тебе потом испытать горечь сожаления? Или ты сам не заметил, не помнишь, как и чем жил?» (Слово пятнадцатое).

ПОЗДРАВЛЕНИЯ ЮБИЛЯРУ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

Сейт Каскабасов, академик НАН РК, лауреат Государственной премии РК, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой казахской литературы ЕНУ им.Л.Н.Гумилева

Наш Герольд Бельгер – не столько немецкий, сколько казахский писатель. Последний из могикиан, маленький островок немецкой культуры в Казахстане, с казахской начинкой. Знание трех языков дает ему возможность свободно плавать в океане трех культур.

Исследуя благодатную тему – Гете, Лермонтов, Абай, он смог показать взаимодействие в области наших литератур и культур. Научный подход в этой работе сочетается с хорошим кругозором. Все это дает возможность писать не строго, а увлекательно и в то же время научно.

С молоком матери он впитал родную речь, вошел в стихию казахского языка и мир казахской литературы. Говорит свободно о немецкой, казахской и русской культурах. Герольд Карлович – один из авторитетов литературного, научного и человеческого мира.

Елена Зейферт, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета, член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России

Герольд Карлович не терпит пафосных торжеств, юбилейных мероприятий. Он скорее всего постарается провести 80-летний юбилей наедине со своими рукописями и самым близким человеком – супругой. Будет принимать поздравительные звонки и письма. Но парадоксальным образом мы все будем рядом с ним.

Мне необыкновенно приятно слышать от Герольда Карловича – «meine Enkelin». Быть его внучкой – большая честь и ответственность. Он замечательный человек и высокий профессионал, два этих сверхдостоинства соединяются в одном человеке не так и часто.

Бывая в Алма-Ате и договариваясь с Герольдом Карловичем о встрече, я всегда приезжала пораньше и гуляла возле его дома, чтобы зайти ровно в назначенный срок. Я знала, что известный писатель живёт по строгому режиму и очень занят. Герольд Карлович всегда громко удивлялся моей точности. И вот однажды, отсчитывая минутки под окнами дома, я услышала с балкона его голос: «Внучка, заходи уже, я рад тебя принять пораньше!» Ничего не утаишь от Герольда Карловича.

Приехав к нему во второй раз, я случайно перепутала дома и зашла в соседний. Поднявшись к «нужной»

квартире, позвонила. Открыл аксакал. Я извинилась, сказав, что ошиблась адресом. Он вежливо спросил: «А Вы не к Гереке? Он живёт в соседнем доме. Хотите, я провожу Вас?».

Думаю, очень мало людей в мегаполисах знают других из соседних «высоток». Герольда Карловича хорошо знают и чтят. Со своими друзьями-аксакалами он ежедневно гуляет возле памятника Чокану Валиханову, там же назначает встречи журналистам, исследователям, критикам.

80-летие Герольда Карловича Бельгера – крупнейшее событие для литературы российских немцев, а также для казахской, немецкой и русской литератур. Человек-универсум, прозаик, критик, публицист, переводчик, общественный деятель,

Герольд Бельгер – настоящий полигланст. Этот термин я придумала для обозначения людей, полноценно, уверенно и увлечённо владеющих разными видами литературного творчества (а нередко одновременно словесной и другой творческой деятельностью). Они знают законы создания произведений разных видов литературной деятельности, способны переключаться от одного вида литературной работы к другому. Герольд Карлович говорил мне, что переход от одного вида литературной работы к другому – это своеобразный отдых для него.

Желаю своему дедушке и Учителю здоровья, нового вдохновения и как можно больше людей, искренне уважающих и любящих его как человека и как писателя.

Эрнст Боос, президент Научного объединения немцев Казахстана, академик НАН РК, профессор

Научное объединение немцев Казахстана (НОНК) сердечно поздравляет Герольда Карловича Бельгера с 80-летием!

К этой дате Герольд Карлович пришел с огромным творческим багажом – десятки книг, сотни очерков, тысячи писем немецкоязычным и казахским коллегам по перу и читателям с полезными советами и творческими рекомендациями. Это огромный, рукотворный вклад одаренного, исключительно трудолюбивого писателя, эссеиста и переводчика в казахстанскую литературу.

Герольд Карлович уделяет большое внимание творческому участию в работе НОНК, являясь руководителем секции гуманитарных наук, публикуя в трудах конференций этого объединения свои произведения и помогая становлению молодых казахстанских литераторов!

Ученые немецкого сообщества Казахстана желают Герольду Карловичу, глубокому знатоку души казахстанских этносов, казаху немецкого происхождения дальнейших творческих успехов, здоровья и еще раз здоровья!

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

«СТО ЛЕТ И КУЛЬ ЧЕРВОНЦЕВ»

Лев Малиновский, доктор исторических наук, профессор АлтГПА, Барнаул

Дорогой Герольд Карлович!

От души и с воодушевлением поздравляю Вас с солидным юбилеем и желаю Вам «сто лет и куль червонцев», как сказано у классика!

Многолетнее знакомство с Вашими произведениями и с трудами о литературе российских немцев и не только укрепляет меня в понимании Вашего писательского, человеческого и общественного потенциала.

Почти невероятное трудолюбие и талант надо иметь, чтобы подняться

через все препятствия до признания и высот литературы!

Единственное, о чем сожалею, – это о потере повседневной связи и об отсутствии соответствующего Вашим заслугам и Вашему труду литературного журнала. Здоровья Вам и долгих лет жизни и труда!

Lieber Herold Karlowitsch!

Zu ihrem hohen Jubiläum gratuliere ich Ihnen recht herzlich und wünsche Ihnen «hundert Lebensjahre und dazu ein Sack Gold», wie es so schön heißt bei den Klassikern!

Die mehrjährige Bekanntschaft mit Ihren Schriften und Arbeiten über die Literatur der

Russlanddeutschen bestärkt mich immer fester in der Auffassung Ihrer enormen Bedeutung als Schriftsteller, Mensch und aktive politische Persönlichkeit.

Es bedarf einer unmöglich erscheinenden Anstrengung, und eines unglaublichen Talents, um trotz aller Hindernisse zu den Höhen, Ihrer Anerkennung und Ihres literarischen Ruhms zu gelangen.

Das Einzige, was mir weh tut, ist der Umstand, dass wir nun durch Grenzen getrennt sind und dass uns der helle Schein der «Phönix» nicht wieder durch alle Weiten und alle Schranken leuchtet.

Viel Glück und Erfolg auch noch nach dem schönen Jubiläumsfest!

Professor Lew Malinowski, Barnaul

РЕЦЕНЗИЯ

EIN GENIE AUS DER WOLGASTEPPE

Так – на мой взгляд – немного выпендрено (по-казахски это называется семіз – «жирно») названо довольно объёмное исследование моего давнего знакомца, филолога и историка, доктора Роберта Корна, автора множества капитальных трудов.

Герольд Бельгер

Речь в данной книге идёт о первом переводчике гётевского «Фауста» на русский язык – поволжском немце Эдуарде Губере (1814-1847). Факт в истории литературы достаточно известный, многократно описанный и достойный серьёзного внимания, чем Эдуард Иванович в русской литературе никак не обделён.

Бегло полистав очередную книгу Роберта Корна из Германии, я решил, что со временем о ней непременно напишу, как только разделюсь с неотложными и заранее запланированными делами, а пока на досуге продолжу знакомство с ней. И тут передо мной возникли чётко сразу две проблемы: во-первых, я ведь знаю, что о Губере писали, скажем, Белинский, академик Жирмунский, историк литературы и переводовед Левин, именитые русские литераторы, разные энциклопедии и антологии, библиографические указатели и пройти мимо всего этого – элементарно неприлично. А, во-вторых, я же не могу себе позволить вольно растекается мыслью по древу, поскольку пишу рецензию для ограниченной площадки печати.

Значит, придётся поневоле ужать свои обретенные знания об Эдуарде Губере.

Белинский о Губере

«В самом начале 50-х годов прошлого века отец мой, поощряя мою страсть к чтению, привёз из районного центра увесистый трёхтомник сочинений Белинского в чёрном переплёте. Этот массивный подарок я храню до сих пор. Из него я и почерпнул первые скудные сведения о поволжском немце Эдуарде Губере, который ещё в гимназии задумал целью ознакомить русского читателя с главным творением великого веймарца. Помню, это обстоятельство приятно щекотало ущемлённое сознание депортированного юноши, находившегося под комендантским надзором.

Поначалу великий критик весьма благосклонно и доброжелательно отнёсся к переводам Э.Губера из «Фауста». Вот он пишет в «Литературной хронике»: «Переводы г. Губера из «Фауста» также примечательны; г. Губер печатает вполне переведённого им «Фауста». Ещё в одной статье Белинский вскользь упоминает стихотворение Губера, никак, однако, его не комментируя.

В обзоре «Русская литература в 1845 году» Белинский отмечает: «Поэзия г. Губера, отличающаяся замечательно хорошим стихом и избытком болезненного чувства, бедна оригинальностью. Она не принадлежит ни к какой стране, ни к какому времени; её можно считать за перевод с какого угодно языка».

Губера Белинский в своих статьях, рецензиях, письмах называет часто. Ему принадлежит даже статья «Стихотворения Эдуарда Губера». В собрании сочинений Белинского в тринадцатитомных томах имя Губера мелькает многожды раз. После появления новых переводов из Гёте (Струговщикова, Тютчева и др.) Белинский относится к Губеру всё более жёстко и, возможно, не всегда справедливо.

«Неистовый Виссарион» был беспощаден как по художественным, так и по идеологическим мотивам. Он всё более критически относится не только к его переводам, но и к литературно-философским статьям Губера.

Вот некоторые его оценки: «Губер просто искажает «Фауста», «Жалкий господин Губер, двукратно жалкий – и по своему переводу или искажению «Фауста», и по пакостной своей философской статье, которая ужасно воняет гнилью и плесенью безмыслия и бессмыслия!.. Впрочем, чёрт с ними, с этими бездарными Губерами...», «Статья Губера о философии обличает в своём авторе ограниченнейшего человека, у которого в голове только посвистывает...».

Разумеется, в этом вопросе у Белинского было немало сторонников. Некоторые журналы той поры развенчали Губера безжалостно: «То, что у Гёте так живо и сильно, – тут сухо, мёртво, безжизненно».

Подобных высказываний можно было привести немало. В том числе и вовсе зубодробительные.

Переводчику Струговщикову Белинский пишет в 1841 году: «Раза три перечёл Вашу тетрадь и ещё хотел бы сто раз перечесть... Помоги Бог поскорее перевести всего «Фауста» – это будет перевод, а не то, что плюнул на публику Губер».

Таким было восприятие В.Г.Белинским перевода «Фауста» в исполнении Э.Губера. В письме к И.И.Панаеву (22.11.1839) Белинский и вовсе выражается запальчиво: «Право, ограниченные люди хуже, то есть, вреднее, подлецов: ведь если бы не г. Струговщикова, то Губер ещё несколько лет зарезал бы на Руси Гёте» (цитирую по книге Жирмунского, стр. 354).

Академик Жирмунский о Губере

Фундаментальное исследование академика В.М.Жирмунского «Гёте в русской литературе» десятилетиями служило мне настольной книгой в моих литературоведческих работах («Как звучит Фауст по-

Фауст и Мефистофель. С литографии Эжена Делакруа. 1826.

казахски», «Если хочешь знать Поэта...», «Гёте и Абай», «Созвучие», «Земные избранныки», «Ода переводу et cetera»). Я и ныне часто обращаюсь к этому уникальному изданию. Разумеется, говоря о первом переводчике «Фауста» на русский язык, Жирмунский часто упоминает и обильно цитирует Эдуарда Губера.

Жирмунский говорит о Губере как академический учёный – взвешенно и умеренно, не впадая в крайности. В свой анализ перевода он влетает и биогра-

фические сведения, которые, как я полагаю, взял из предисловия А.Г.Тихменева, предпосланного к трёхтомнику «Сочинений Э.И.Губера» (Санкт-Петербург, 1859-1860 гг.). На обложке этого издания указано: «С портретом и биографией автора». Подозреваю, что все сведения позднейших исследователей творчества Губера взяты из этого издания. «Обойти это издание не может ни один серьёзный исследователь творчества Э.Губера», – резонно заметил Р.Корн в интервью Надежде Рунде («DAZ», № 25, 2014 г.)

Жирмунский отмечает: «Первый полный перевод первой части «Фауста» принадлежит Эдуарду Губеру. Э.И.Губер (1814-1847), по происхождению русский немец, сын пастора из волжской колонии Усть-Залиха, получив полунемецкое, полурусское образование, появился в 30-х годах на литературном горизонте Петербурга с честолюбивым замыслом – перевести «Фауста» на русский язык».

пись нашли среди бумаг Пушкина. Губер восхищался этой редакцией. Но вскоре выяснилось, что Пушкин оказался тут ни при чём. Правки делал некий И.Бек. И на основании этого казуса Жирмунский приходит к выводу: «Это обстоятельство вынуждает относиться с осторожностью к легенде о прямом участии Пушкина в переводе Губера» (см. В.Жирмунский, Гёте в русской литературе, Ленинград, «Наука», 1982, стр. 412).

Отдельным изданием «Фауст» Губера появился в 1838 году уже после гибели Пушкина. Переводу Губер предпослал историко-литературное предисловие, с библиографией, о немецкой легенде и её обработках. Автор снабдил его посвящением Пушкину. Жирмунский приводит фрагмент, который – по его словам – даёт некоторое представление о его, Губера, собственных стихах.

Когда меня на подвиг трудный
Ты улыбаясь вызывал,
Я верил силе безразудной
И труд могучий обещал.
С тех пор один, вдали от света,
От праздно неги бытия,
Благословением Поэта
В ночных трудах крепился я.
(Ibidem, стр. 412)

О переводах Губера академик В.М.Жирмунский рассуждает, уже оснащённый переводами многих выдающихся русских поэтов XIX столетия, и этим обстоятельством я объясняю его строгость к опытам первого переводчика, явно принадлежащего к пушкинской эпохе.

Приведу его окончательный вердикт: «В художественном отношении... «Фауст» Губера значительно уступает тем отрывкам, которые переведены были в эти годы такими поэтами, как Веневитинов, Тютчев, или даже Аксаков, и не стоит на высоте стихотворений техники пушкинской эпохи...» (Ibidem, стр. 416).

При всей своей литературоведческой строгости, Жирмунский отдаёт справедливую дань дерзости молодого переводчика, избравшего столь трудную и ответственную стезю. «Но, пересказанный Губером довольно свободно, его «Фауст» сохраняет в общем верность мысли оригинала и сыграл большую культурную роль при первом ознакомлении русских читателей с трагедией Гёте. Многочисленные рецензии были очень сочувственными» (стр. 416).

Жирмунский констатирует: «Вторую часть «Фауста» Губер представил читателям в «Библиотеке для чтения» в прозаическом пересказе, со стихотворными вставками отдельных отрывков.

РЕЦЕНЗИЯ

EIN GENIE AUS DER WOLGASTEPPE

А шесть лет спустя (в 1844 г.) выходит в свет новый перевод «Фауста» в исполнении М.Вронченко. Это уже новый этап в фаустоведении.

Переводческое кредо Э.Губера

У каждого переводчика, разумеется, есть свой творческий шандпункт, так называемая сверхзадача. По своему личному опыту я знаю, что теоретический посыл часто не совпадает с практическим исполнением. По части теоретических вопросов художественного перевода я прошудировал монбан литературы и сам написал несколько книг и не один десяток статей о проблемах перевода – как напрямую, непосредственно, так и по подстрочникам. На практике же не всегда всё удаётся успешно осуществлять свои теоретические познания в этом сложнейшем деле. Думаю, это противоречие сполна испытал и Э.Губер.

В поэтическом переводе особенно часто возникают – нередко совершенно непреодолимые – камни преткновения. Преодолить по наитию – гибельно. Необходимо точно знать, какие цели преследуешь в первую и вторую очередь.

У Губера-переводчика тоже был свой шандпункт. «Я старался по возможности, – писал Губер в упомянутом выше предисловии, – сохранить в моём переводе все размеры подлинника, в котором форма так тесно связана с мыслью, так живо соответствует чувствам и положениям действующих лиц. Даже в тех местах, где Гёте употребил так называемых Knittelverse, жёсткий, неправильный размер народных песен немецких и миннезингеров XVI столетия, я старался сохранить оригинальный колорит подлинника, несмотря на звуки непривычные или чуждые русскому уху».

А что, правильный, симпатичный посыл. И в то же время Э.Губер сознательно чуждался буквализма, что – я знаю – совсем не просто. «Я не умел передать высоких красот оригинала, – признаётся он. – Я в некоторых местах даже отступал от него, думая более о смысле, нежели о словах подлинника. Буквальный перевод не всегда бывает и точным переводом; по моему мнению, главное достоинство хорошего перевода состоит в том, что он по возможности производит то же впечатление, что и подлинник».

Думаю, никто не возразит против такого принципа. Очень верная переводческая концепция. Такими постулатами руководствуются и ныне. Другое дело, что этот верный в сущности критерий не всегда реально оправдывается на практике. Мне, старому толмачу, это очень даже знакомо.

Ю.Д. Левин о Э.Губере

Это имя – Юрий Давидович Левин – было мне издавна знакомо по разным переводческим статьям, а его книга «Русские переводчики XIX века» попала мне впервые на глаза на исходе 80-х годов прошлого века в писательском Доме творчества в Дубултах. Меня эта книга заворожала: это были очерки о В.А. Жуковском, М.П. Вронченко, Э.И. Губере, А.Н. Струговщикове, В.Г. Белинском, А.В. Дружинине, Н.В. Гербеле, М.Л. Михайлове, Д.Е. Минне, Д.Л. Михалковском, П.И. Вейнберге. Я эти очерки не только штудировал, но и законспектировал, а потом кто-то её прислал в личное пользование. Она, оказалось, увидела свет в Ленинграде в 1985 году. Наиболее подробные сведения о Э.Губере я почерпнул отсюда.

Левин отметил: «Губер сознательно стремился передать трагедию во всей её полноте. Одновременно он добивался

гладкости, лёгкости и плавности русского стиха. Особенно удавались ему лирические места трагедии, воссоздавая которые он мог опираться на свой собственный творческий опыт».

Оценка высокая и справедливая. Автор аргументирует свои выводы и наблюдения конкретными примерами. Отмечает он, однако, и явные изъяны при переводе Губера, как-то отклонения и добавления, синтаксические особенности, характерные для перевода в целом, склонность к шаблону, к романтическому словарю «массовой» поэзии 30-х годов («пламенные очи», «пламенная грудь», «болельная грудь», «высокая мечта», «отрадные мечты», «чистые мечты», «сладкая воля», «златые надежды», «насмешка хладная», «безумная тоска» и прочие красоты). Левин резонно замечает: «Вспомогается Владимир Ленский, писавший «томно и вяло (что романтизм мы зовём...)», в стихах которого встречаются и «дева красота», и «гробницы таинственная сень», и «идеал», а вместо «юности» – «весны златые дни», «рассвет печальный жизни бурной»; вместо «пули» – «стрела»; вместо «могилы» – «урна». Русский «Фауст» как бы пересказан языком Ленского, условным поэтическим языком, который, как мы уже отметили, стал в 20-е годы привычным, расхожим и обезличенным. Этот язык особенно был в ходу у стихотворцев-переводчиков, постоянно подменявших специфические черты подлинника готовыми поэтическими формулами-штампами» (стр. 65).

Меня всегда жутко раздражают отклонения и дополнения при поэтическом переводе. У меня это вызывает недоверие и к переводу, а порой – и к оригиналу.

Левин приводит такой пример: А я, отверженный,

*в борьбе с моей судьбою,
Не только на себя печали накликал,
Не только дерзкою рукою
О скалы скалы разбивал:
Я деву бедную встревожил,
Являя как демона перед ней,
И мир души огнём страстей
И взволновал и уничтожил!*

Выделенные стихи не имеют прямого соответствия в оригинале (стр. 64).

Убедительный переводческий изъяс, не так ли?!

Много познавательного можно вычитать из очерка Ю.Левина о восприятии современниками перевода Э.Губера. Особенно убедительно раскрыты его очевидные недостатки.

«Перевод Губера, несмотря на свои недостатки, а в известной мере и благодаря им (то есть благодаря сближению Фауста с современными настроениями, употреблению распространённого поэтического языка), явился событием в российской литературной жизни. Наконец-то величайшее произведение гения Германии стало доступным каждому грамотному русскому», – подчёркивает исследователь (стр. 67).

Второе издание «Фауста» в переводе Э.Губера увидел свет в 1859 году в салоне «Сочинений», потом наступила длительная пауза. Появились новые переводы трагедии Гёте: А.Н. Струговщикова (1856), А.А. Фета (1882-1883), Н.А. Холодковского (1878). Но позже – в промежутке с 1899 по 1910 г. перевод Губера выдержал ещё четыре переиздания в Петербурге, Киеве и Харькове.

Э.Губер в исследовании Р.Корна

Перехожу, наконец, к той части своей рецензии, ради чего, собственно, она и написана.

В чём принципиальная новизна исследования Роберта Корна?

Если коротко, то, на мой взгляд, в том, что автор:

– основательно перелопатил всё, что к настоящему моменту доступно о жизни и творчестве этого самобытного русско-немецкого самородка, что он, Корн, систематически и хронологически изложил, проанализировав все его литературные деяния;

– тщательно охарактеризовал ту эпоху, ту литературную среду, в которой Губер вращался, очертил разноречивые мнения о его таланте и переводческом направлении;

– уточнил некоторые биографические данные и вообще «тёмные» места в жизнедеятельности славного поволжского предка;

– щедро оснастил свой труд оригинальными стихами Эдуарда Губера на русском и немецком языках, проиллюстрировал образцы его перевода из «Фауста» в параллельном изложении оригинала с русскими вариациями, а также из Фридриха Шиллера («Слова веры», «Закрытый истукан в Сансе», «Надежда»);

– привёл в качестве приложения литературные тематические источники, список статей, исследований и монографий о жизни и творчестве Э.Губера (я насчитал 93 источника); именной указатель в алфавитном порядке;

– уместно вставил в книгу свою обзорную статью о Сарепте – немецком оазисе в пустыне; длинное стихотворение Э.Губера на немецком языке («In Versen soll ich schreiben!?!»); сару о поволжских немцах К.Юнгмана под названием мифического «Айзенхаута» в оригинале и в переводе на русский язык Инги Томан; список художественных иллюстраций;

– включил краткие сведения к биографиям Менцеля, Гегеля, Гейне, Гудцова, Бёрне, Уланда, Грюпа, Ленау – о них Э.Губер писал в своих статьях-рецензиях как критик и историк литературы;

– словом, главную заслугу доктора Корна я усматриваю в том, что он собрал всё, что касается жизни и творчества Губера, расчистил его тропу, за двести лет изрядно заросшую травой забвения, осмыслил его наследие, его Время, композиционно продумал и изложил немалый фактологический материал под одной обложкой. По сути Р.Корн по крупицам воссоздал своеобразную энциклопедию о самобытном поволжском русско-немецком литераторе.

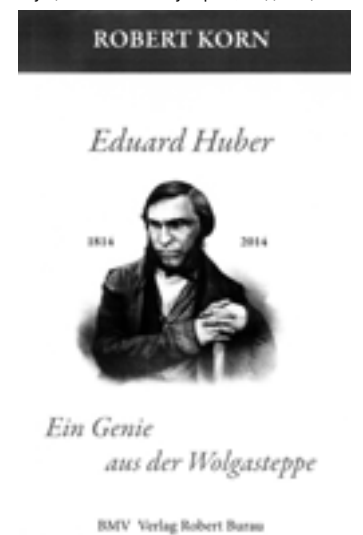
Таково в сущности содержание новой книги Р.Корна и её достоинства.

Все эти сведения поданы по-немецки тщательно и аккуратно. И именно такая форма подачи материала об Э.Губере, на мой взгляд, характеризует положительно объёмное исследование на немецком языке. Роберт Корн тем самым воздал дань памяти поволжскому немцу-литератору, который оставил в истории русской литературы заметный след как первый переводчик Гёте на русский язык. В числе переводчиков и толкователей-популяризаторов великого веймарца Эдуард Губер занимает почётное и достойное место.

И об этом книга.

Она примечательна и познавательна. Я рад знакомству с ней. О докторе Корне я пишу не впервые, и все его труды я оцениваю положительно, ибо они мне симпатичны своей новизной, научной добросовестностью и дошностью, живой заинтересованностью к предмету исследования, здравым шандпунктом и сыновней благодарностью к родному Поволжью, к славным предкам и их деяниям в самые трагические времена нашей излучистой истории. Именно эти качества давнего знакомого, коллеги и бывшего земляка (по Волге и Казахстану) меня привлекают.

Свои познания об Э.И.Губере я значительно пополнил. Разумеется, я обратил внимание на некоторый субъективизм и резкость в суждениях «неистового Виссарiona», к которому привязан со школьной поры; на объективизм и аналитическую стилистику всеохватного академика Жирмунского, на взвешенные, аргументированные рассуждения переводоведа Левина, на доброжелательные оценки перевода «Фауста», осуществлённого Губером, выдающихся

русских литераторов разных времён (Белинский, Полевой, Герцен, Тургенев, Чернышевский, Боткин, Дружинин, Григорьев, Л.Н.Толстой и др.), на культуру и симпатию немецкого исследователя Роберта Корна, широко представившего своего поволжского сокровника.

И за всё это я весьма благодарен. В заключение своей статьи-рецензии считаю нужным ознакомить читателя хотя бы с одним стихотворением Э.Губера, написанным по-русски, и фрагментом перевода из «Фауста». Стихотворение называется «На смерть Пушкина»:

Я видел гроб его печальный,
Я видел в гробе бледный лик
И в тишине, с слезой прощальной,
Главой на труп его поник.
Но пусть над лирою безглазой
Порвётся тщетная струна
И не смутит тоской напрасной
Его торжественного сна.

И вот крохотный отрывок из «Фауста». Искуситель Мефистофель поёт, подыгрывая себе на цитре:

Was machst du mir
Vor Liebchens Tier,
Kathrinchen, hier
Bei frühem Tagesblicke?

Lass, lass es sein!
Er lässt dich ein,
Als Mädchen ein,
Als Mädchen nicht zurücke.

Nehmt euch in acht!
Ist es vollbracht,
Dann gute Nacht,
Ihr armen, armen Dinger!

Habt ihr euch lieb,
Tut keinem Dieb
Nur nichts zuliebt,
Als mit dem Ring am Finger!

>> Окончание на стр. 8.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ К ЗВЁЗДАМ

Д-р Роберт Корн

Как неумолимо быстро летит время. Казалось бы совсем недавно Герольд Бельгер писал: «Каждый год родители привозили меня в родной Мангейм, и

многочисленная родня (почти половина села) охотно возилась со мной, городским мальчишкой с забавным немецким выговором, то и дело сбивающимся на русский язык. Воспоминания мои о немецких селах, конечно, детские, куцые, отрывочные, но теплые и добрые (...) Помню приветливые крестьянские лица, опрятные жилища, летние помещения-бакхаузы, молодежь на велосипедах, музыкантов в духовых и струнных оркестрах, шумную жизнь в клубах и избах-читальнях, шествия пионеров, (...) громоздкие немецкие фуры, на которых колхозники с песнями ездили на работу и возвращались с полей, чудо времени – патефоны, подворья, огороды, свадьбы,

детские игры, забавы, пахучие пончики-брецели, топленое молоко, домашний сыр-коккезе... О, кое-что сохранилось в цепкой детской памяти, и та невозвратная жизнь, те радужные блики навсегда ушедшего бытия воспринимаются ныне мной живым отголоском Времени, чистого, одухотворенного, доброго, полного счастья и надежд. Допускаю, что это восприятия наивной детской души, для которой мир всегда прекрасен». И вот ему уже восемьдесят и приходится с горечью и болью признать, что та «невозвратная» жизнь, безжалостно растоптанная сталинским сапогом, скорее всего, останется лишь в детской памяти...

«Быть бездоленным – тяжко», – признается он. Особенно если ты познал несправедливость в хрупком детском возрасте. Эти «зарубки на сердце» не рассасываются, не разглаживаются никогда, и горькая память не вытравливается..

В краю, где он, изгнанный ребёнком из родных мест, вырос, на его неискушенный детский взгляд, как он сам вспоминает, люди делились как бы на три группы: ссыльно-поселенцы (немцы, поляки, чеченцы), административно-ссылные (разные национальности) и вольные (главным образом, казахи и русские). Это были отрывки интернационализма, и он понял это довольно рано, инстинктивно, подсудно чувствовал несправедливость такого деления общества, но «это было так, именно так, а не иначе, с этим приходилось считаться, и казалось, разрушить этот раз и навсегда заведенный порядок невозможно». Более того, проживая в казахском ауле, он думал, что ссыльно-поселенцами или административно-ссылными становятся исключительно по национальному признаку, едва ли не с самого рождения, то есть принадлежность к определенной нации воспринималась как

неистребимое клеймо, как тавро, как каинова печать. И что было обиднее всего, в самом низу этой преступной, презренной иерархии находился его законопослушный, талантливый и трудолюбивый народ. Фрицы. Фашисты. Нелюди. Известный писатель Илья Эренбург, именем которого в Германии названы улицы, так и писал: «Немцы – не люди». И это были не только слова. Ни с одним другим народом, даже из числа депортированных, Кремль так безжалостно не поступал. Только немецкие семьи разрывались, только немецкие женщины кремлёвские изверги угоняли в концлагеря Сибири и Крайнего севера, только немецких детей, оставшихся без родителей, отправляли в детдома, где они находились в положении пасынков и получали русские имена и фамилии... Всё яснее вырисовывалось, что так поступают только с народом, который хотят уничтожить. И если бы не поддержка простых людей – казахов, украинцев, русских и других, – которые быстро поняли, что имеют дело всего лишь с безвинными изгоями, нас может быть уже не было бы...

Но молодой Бельгер, один из миллионов этих роковых избранников, не желал мириться с уготованной ему долей немого раба человеконенавистнической системы, несмотря на то, что, вдобавок ко всему, привязался к нему в детстве еще и тяжелый недуг – туберкулез костей. Он старательно учился, освоил казахский и русский языки, и писал, писал. В ЦК ВЛКСМ, в Верховный Совет, в Алма-Ату, в Москву и даже на высочайшее имя – самому вождю.

Мечтать не запретишь, тем более, что юности это, как известно, свойственно. Он мечтал поступить в Московский институт международных отношений (МИМО), стать дипломатом, но когда осмелился поделиться этой сокровенной мечтой с одним из старших

родственников, тот посмотрел на него, как на сумасшедшего: «Какая Москва?! Какой МИМО?! Ты до Петропавловска не доедешь. Они тебя и с костылями загонят в лагерь!» И всё же ему удалось вырваться из сталинского капкана, и имя его сегодня широко известно в Казахстане.

Он окончил казахскую школу в с.Ленино Сергеевского района Северо-Казахстанской области, литературный факультет Казахского пединститута им.Абая и аспирантуру при этом же институте, работал учителем русского языка и литературы, литсотрудником казахского литературного журнала «Жұлдыз», с 1964 на творческой работе. Член Союза писателей СССР с 1971, Лауреат премии СП Казахстана им. Б.Майлина (1988), Заслуженный работник культуры Республики Казахстан, Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, Член Национального Совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан. Награжден орденом «Парасат», был депутатом Верховного Совета Республики Казахстан.

Свои хождения по мукам он описал во многих из своих многочисленных произведениях – на русском, казахском и немецком языках. А в одном из своих писем он написал мне: «С Абсолютом у меня уговор: как только перестану шкрябать пером, он меня заберёт. А мне нужно издать книжечку 12–15...». Всего я насчитал где-то около пятидесяти изданных им книг. И я думаю, что выражу мнение многих землячков, если пожелаю сегодня юбиляру исполнения всех его творческих задумок, а главное – здоровья и долгих лет жизни! Ведь его жизненный опыт, его творчество, его советы и замечания нужны нам как на старой, так и на исторической родине!

Alles Liebe!

РЕЦЕНЗИЯ

EIN GENIE AUS DER WOLGASTEPPE

>> Окончание. Начало на стр. 6-7.

Перевод Губера:

Зачем ты там,
К его дверям,
Катюша, там
Пришла одна с денницей?

Девице рад,
Он впустит клад;
Но уж назад
Ты не пойдёшь девицей!

Беги же вон,
Как кончит он
И добрый сон
Бедняжке пожелает.

Люби того,
Кто до всего
Тебе кольцо
Пред алтарём вручает.

Ну, уж любопытства ради зараз приведу это место в переводе Медеубая Курманова на казахский язык:

Ынтығып, құмартып,
Сенімді тұмар қып,
Ерке қыз, бұла қыз,
Бейуақыт қайда барасын?

Жігіттің үйіне,
Пәк, адал күйінде
Кірірсін сүйіне,
Шыққанда қыз болмай қаларсын.

Фауст встречает Маргариту.

Сенбекдер созіне,
Сықырлы көзіне,
Алар да өзінен
Аларын, хош айтар жігіттер.

Былай де ғашыққа:
«Той күні қашық па?
Сүйіктім асықпа,
Әуелі қолыма жүзік бер!»

Сопоставляйте, сравнивайте, делайте выводы.

А я закончу статью одним признанием. О переводе моего покойного друга, германиста Медеубая Курманова, переложившего на казахский лад обе части «Фауста» непосредственно с немецкого языка, я писал не однажды – рецензии, доклады, статьи, предисловия.

Вместе обе части вышли по-казахски шикарным изданием более 30 лет назад. И я тогда основательно сравнивал русские переводы «Фауста» в исполнении Губера, Вронченко, Струговщикова, Холодковского, Пастернака.

Наиболее высокого мнения я был о переводе Холодковского (он не отличался болезненной амбициозностью и старался максимально опрятно воспроизводить немецкий оригинал), а к переводу Пастернака я оставался равнодушным, ибо переводчик был главным образом озабочен демонстрацией себя, а не гётевского текста. Такого же принципа он придерживался и при переводе Шекспира.

Этого мнения я придерживаюсь и поныне. Мне такая манера чужда.

А вообще-то сложнее это дело – поэтический перевод!..

■ прощальный – Abschieds-

■ цитра – Zither, f

■ любопытство – Neugierde, f

■ признание – Geständnis, n

Bekanntnis, n

■ манера – Manier, f; Art, f, Weise, f

ЛИЧНОСТЬ

ЧЕЛОВЕК УНИКАЛЬНОГО ТАЛАНТА

О Бельгере много пишут в газетах и в журналах, его творчеству посвящают диссертации, литературные исследования. В Казахстане, в серии «Личность и время», о нём вышла талантливая книга Жанны Ескуатовой. И в среде российских немцев нет, пожалуй, ни одного мало-мальски мыслящего человека, который бы не слышал это имя.

*Надежда Рунде***Судьба изгнанников. Аул.**

■ Бельгер – явление! Бельгер – человек необычной судьбы и уникального таланта.

Родился он 28 октября 1934 года в городе Энгельсе Саратовской области – предвстатель депортированного народа. Пережитое выселение и годы дискриминации соплеменников оставили след в его душе и не могли не отразиться на убеждениях, вылившихся в многогранное творчество, основным лейтмотивом которого стало согласие между народами.

Иными словами, всю свою научную и литературную деятельность он посвящал теме взаимопроникновения, созвучия культур и духовного родства немцев, русских и казахов.

Писатель много пишет о насущных проблемах общественного, культурного, нравственного бытия. Четкая гражданская позиция Герольда Бельгера красной нитью обозначена во всём его творчестве. Он тяжело переживает любое насилие над народами, цена которому тысячи искалеченных людских судеб.

Прозаик, переводчик, публицист, эссеист, литературовед, знаток и исследователь литературы российских немцев, автор многочисленных романов, повестей и литературно-критических работ, в центре которых исторический путь и современное положение российских немцев, их национальной культуры и литературы.

Герольд Бельгер издал более семидесяти книг, на его счету около двух тысяч публикаций на русском, немецком и казахском языках. Сколько дней труда, сколько ночей без сна, сколько усилий ума, надежд и страхов, усердного изучения вылиты в мелких типографских шрифтах и стиснуты в тесном пространстве его книг.

Вся жизнь писателя наполнена напряженной работой мысли. Он исследует общие корни единой евразийской культуры. На его счету десятки досконально переведенных книг казахской классики и молодых начинающих писателей, глубокие исследования в казахской филологии, позволившие их автору поправлять именитых ученых, статьи по сопоставительному языкознанию и литературоведению, работы по проблемам художественного перевода, литературные портреты и эссе, яркие публицистические выступления – и это лишь малая часть той огромной работы, которой он занимается уже шесть десятилетий.

Неполных семи лет, вместе с семьей, из поволжского села Мангейм он попал в Северо-Казахстанскую область. Шла война. Это было тяжелое время для всех. Но на над спецпереселенцами домokловым мечом нависал еще и моральный пресс, так как они были отмечены печатью неблагонадежных. Такова была государственная политика.

Небольшой казахский аул на берегу Ишима – Тас откел (Каменный брод) стал новой Родиной Бельгеров. Обустраивались, как сумели, в бывшем медпункте: тесно, неуютно, сиром. Но жизнь, к счастью, состоит не только из лишений. Жили, как все, не без своих маленьких радостей. Появились новые друзья – тамыры. Да и аул вскоре стал чудиться своим.

Позже Бельгер вспоминал: «То, что я слышал от своих немцев на конференциях и съездах об издевательствах со стороны сверстников, меня, воспитанника казахского аула, ошеломило. В казахской среде подобное не случалось. Ни Коран, ни мусульманская вера, ни нравственный уклад nomadов не позволяли унижать и без того обездоленного. Никто не глумился над моей немецкостью. Напротив, я вырос любимчиком аула, и именно поэтому необозленным, неподдающимся, нравственно не ущербным».

Родители. Недуг.

Отец Герольда – Карл Бельгер с юности рос идейным большевиком, преданно верил делу партии, добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Служил санитаром 157-го стрелкового полка Приволжского военного округа... А в ответ получил по отношению к себе недоверие. Тяжело пережил выселение из родных мест в числе тысяч других невинных советских немцев, таких же бедолаг, каким оказался сам.

Постепенно пообвыклись. Отец почти не бывал дома. Он пешком обходил аулы, что располагались в округе, – лечил людей. Путь неблизкий: попробуй помотайся по степи в зимнюю стужу или в летний зной. Мать Анна Давыдовна хлопотала по дому: латала, варила, шила, стирала, готовила скудную еду. В 1944 году Герольд пошел в школу. Естественно – в казахскую. В детстве мальчик однажды на всем скаку слетел с коня. Больно ушиб ногу. Затем сильно простыл. Долго мучился с кашлем. А потом всё это дало осложнение и переросло в туберкулез тазобедренного сустава... Из-за

этого двадцать восемь лет передвигался на костылях. По весне боли обострялись. А сколько провалялся в больницах!? В сорок лет окончательно слег. Пришлось делать резекцию сустава. Операция прошла успешно. Боль отпустила. Но много сил ушло на восстановление...

Заветная мечта. Алма-Ата.

В 1953 году Герольд Бельгер окончил школу, а знойным летом 1954 года впервые «очутился у подножия белоголового Алатау», в тот год городу исполнилось ровно 100 лет. «Поразили пахучие яблоки – апорты, огромные, с голову ребенка, тогда на Зелёном базаре в килограммах их никто не продавал, а только корзинами, мешками и даже возами». С тех самых пор Герольд Бельгер вот уже шестьдесят лет живет и работает в Алматы и традиционно его юбилей в октябре совпадают с круглыми датами любимого города. Алма-Ата вобрала в себя суть и смысл всего личного бытия писателя.

В 1958 году он стал выпускником литературного факультета Казахского педагогического института имени Абая. В 1963 году там же окончил аспирантуру. Осуществил заветную мечту детства, стал писателем, около года работал литературным сотрудником в отделе прозы журнала «Жұлдыз», а с 1964 года находился на творческой работе.

Когда-то давно, еще в школе, он поразился сходству мыслей и характеров двух великих творцов, выражающих

нравственную и духовную суть своих народов.

Перу Герольда Бельгера принадлежат четыре книги по этой теме «Созвучие», «Гете и Абай», «Земные избранники», «Властитель слова». По его собственным словам, он всю свою жизнь бредет тропой Абая. Десятилетиями увлеченно занимается изучением творчества великого классика, подстрочным переводом его стихов, сопоставительным анализом переводов, пропагандой его поэзии.

Общественная значимость деятельности известного писателя подтверждена множеством особых титулов, званий и наград. Герольд Бельгер – заслуженный работник культуры Казахстана, лауреат Президентской премии Мира и Духовного согласия, лауреат независимой премии «Тарлан», а также высшей журналистской премии «Алтын Самрук», «Золотой грифон».

В 1994 году юбиляр награжден орденом «Парасат» (благородство) под номером 1, в 2010 году – крестом с бантом «За заслуги перед Германией». Пять лет назад Министерством культуры и образования Казахстана был профинансирован десяти томник писателя, который явился своеобразным отчетом перед читателем в канун солидной даты личной жизни. ■

Кто-то из великих сказал: «Как великолепен человек, если он настоящий!» И как прекрасно, если судьба тебе улыбнулась и ты оказался причастным к Личности высокого порядка.

Глубокой признательности заслуживает Ваша наставническая работа по поддержке и воспитанию творческой молодежи, в разряд которой по счастливой случайности попала и я. Спасибо за книги, за письма, за мысли, за Ваш редкий дар Учителя.

Желаю Вам доброго здоровья и прежнего вдохновения к жизни!

Надежда Рунде, Дингольфинг

Долгожданная встреча друзей: Бельгер, Хорнунг и Нурпеисов.

Герольд Бельгер с отцом и супругой.

К ЮБИЛЕЮ

ПРАВСТВЕННАЯ МИССИЯ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

В современном мировом литературном процессе многогранное творчество Герольда Бельгера – явление уникальное, художественно переплавляющее традиции немецкой, русской и казахской литератур.

Светлана Ананьева

Писатель рос в казахском ауле на берегу Есиля, окончил казахскую школу, литературный факультет (русско-казахское отделение) Казахского педагогического института им. Абая и аспирантуру КазПИ. Преподавал русский язык и литературу в казахской средней школе села Байкадам. Сформировался как писатель на стыке трёх культур: казахской, немецкой и русской. «Он свободно чувствует себя в любой из этих трех культур, – подчеркивает Смагул Елубай. – Как переводчик он служит золотым мостом между тремя литературами. Благодаря ему книги самых крупных казахских писателей обрели звучание на русском и немецком языках... Мне кажется, Герольд Бельгер, сын немецкого народа, знающий в совершенстве немецкий, русский и казахский, является примером того, каким должен быть будущий казахстанец».

Большую часть творческого пути Г. Бельгера три вида литературного творчества (переводческая деятельность, проза и публицистика) существовали параллельно. Писатель считает себя, прежде всего, переводчиком, потому что путь в большую литературу начался с художественного перевода (работа литературным сотрудником в отделе прозы журнала «Жұлдыз», перевод трилогии А. Нурпеисова «Кровь и подат»). В его русской интерпретации предстало около двухсот произведений казахских прозаиков – романы, повести, очерки, статьи М. Ауэзова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, Х. Есенжанова, А. Нурпеисова, А. Кекилбаева, Д. Досжана, А. Жубанова, Т. Нурмагамбетова, О. Сарсенбаева и других. Г. Бельгером переведено на русский язык свыше 20 произведений немецких писателей второй половины XX века: повести и рассказы А. Реймгена, Э. Кончака, Н. Ваккер, В. Гейнца и т. д.

В статье М. Симашко с глубоко символичным названием «Сын Казахстана», которой открывается книга Г. Бельгера «След слова», жизнь и судьба известного казахстанского писателя, переводчика, критика и публициста встроена в канву судеб великих деятелей немецкой культуры и науки – Гете, Бетховена, Канта, Врангеля, Крузенштерна, Литке, доктора Газа, провожавшего «из высокого чувства сострадания ... год за годом кандалные этапы по Владимирке, из собственных средств снабжая их всем необходимым на долгую сибирскую дорогу. Русские народные песни сложены об этом немце...».

М. Симашко повествует о том, как маленький Герольд, житель волжского Гнаденфлюра, оказался в Казахстане,

Айнур Машакова, Светлана Ананьева и Герольд Бельгер на читательской конференции в Немецком доме г. Алматы.

закончил казахскую школу «и воистину открыл для себя родину – древнюю и вечно юную Страну Казах. Он остался благодарен ей как сын во всю остальную жизнь». Особенная ответственность и деловитость, честность, страстность и тщательность – доминанты характера Г. Бельгера, закалявшегося в исторических перипетиях века XX-го. В судьбе Г. Бельгера «дальнейшее было закономерным. По чьему-то недосмотру или, наоборот, чувству человечности он поступил в Карагандинский политехнический институт (рядом с ГУЛАГОМ), но в один и тот же день оттуда были исключены все немцы, чеченцы, ингуши, поляки, греки и другие «лица определенных национальностей». Учитель русского языка в школе аула имени Ленина на берегу Ишима «упорно писал письма Ворошилову, взывая к справедливости. «Это были мои первые литературные опыты!» – шутит он с природной немецкой невозмутимостью».

Как неординарна личность и судьба самого Г. Бельгера, так и не просто знаем, а любовью и подвижничеством объясняет его трехязычие автор очерка. И автора, и героя очерка роднит исследовательский интерес к евразийству: «С той же немецкой честностью, страстью и тщательностью, с которой Шлиман раскапывал Трою, Швейцер всю жизнь лечил детей в экваториальной Африке, а Федор Литке исследовал полярные моря России, он исследует общие корни единой евразийской культуры. Десятки талантливо и досконально переведенных книг казахской классики и еще молодых, начинающих писателей, глубокие исследования в

казахской филологии, позволившие ему поправлять именитых ученых, статьи по сопоставительному языкознанию и литературоведению, многочисленные работы по проблемам художественного перевода, литературные портреты и эссе, публицистические выступления – это лишь часть той огромной научной и литературной работы, которой он занимается уже четыре десятилетия». Все виды основной деятельности Г. Бельгера автором статьи не только указаны, но и приведены в систему.

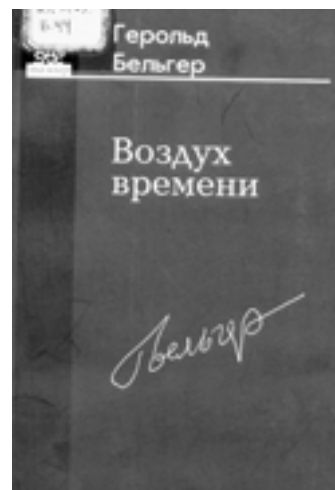
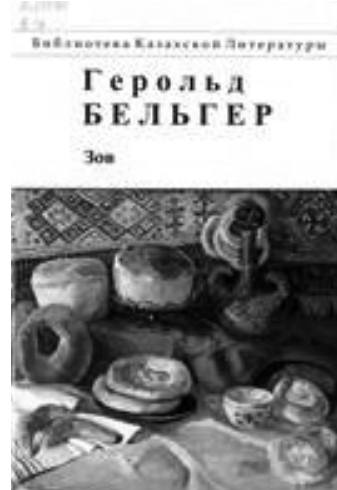
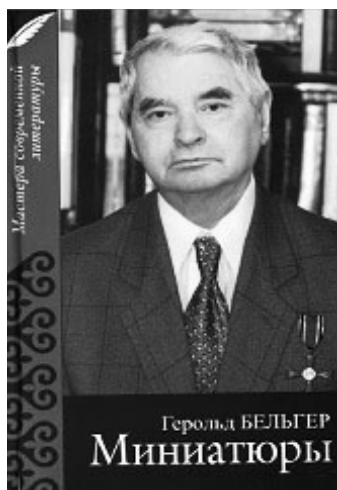
Литературные портреты и эссе Г. Бельгера в книге «След слова» объединены искренностью, добротой, участливостью, исповедальностью, живым сочувствием». М. Симашко гордился своим родством и дружбой с Г. Бельгером, который когда-то, еще в школе, удивился сходству мыслей и характеров двух великих людей Гете и Абая, выражающих «нравственную и духовную суть своих народов, живущих в отдалении друг от друга, но на одном континенте». И появился многолетний, уникальный в мировой науке и литературе труд «Гете и Абай», «Земные избранники».

Авторитетный специалист и автор ряда исследований по проблемам художественного перевода («Гете и Абай», «Мотивы трёх струн», «Этюды о переводах Ильяс Джансугурова», «След слова», «Лики слова», «Ода переводу», «Казахское слово», «Записки старого толмача» и т. д.), в очерке-эссе «Гете и Абай» Г. Бельгер пишет: «Странно, но мне кажется, что я чувствую Абая... Полагаю, что чувствовать чье-либо творчество – несомненно, объемнее и значительнее,

чем понимать... Почувствовать, то есть, воспринимать через сердце, через душу – очень непросто. Это как любовь, как дар: либо они есть, либо – нет».

Г. Бельгер размышляет о гармонии духа, целостном восприятии поэзии, перекличке муз, прослеживая ярко, образно, убедительно и доказательно магическую нить духовной близости и единения гениев. Раскрывает генезис поэтов, некоторые схожести, очевидные параллели внешней биографии. Анализируя метрику и строфику поэзии, доказывает графическую, структурную близость строфики и ритмики. Предвидит научные открытия на перекрестке двух магистральных путей – «Гете и Восток» и «Абай и Запад», подчеркивая особо: «... Как Гете, так и Абай – явления, отнюдь не ограничивающиеся определенными рамками времени. Они никогда не в прошлом. Они всегда современники своих потомков. В этом их величие и бессмертие... Оба страстно устремлены в будущее, и в этом их сущность и общность».

Перекликаются взгляды на творчество и назначение поэта. Много общего в пейзажной, философской и любовной лирике Гете и Абая. Г. Бельгер исследует философско-эстетическое созвучие мировосприятия духовных гигантов немецкого и казахского народов, потому что «эти титаны обладали даром говорить поэтично и философски о том, что не может не волновать человека со зрячим оком в душе, что не может не трогать каждое новое поколение...» Гете и Абай – земные избранники. Концентрация всечеловеческой духовности.

К ЮБИЛЕЮ

ПРАВСТВЕННАЯ МИССИЯ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

Трогательны картины военного действия в финальных строках очерка-эссе. В крохотном ауле на берегу Ишимия будущий прозаик-эссеист учит стихотворение Абая «Зима». А рядом мама, баюкая сестренку, напевает «Полевую розочку». Стихотворение Гёте стало около двухсот лет назад немецкой народной песней. Абай и Гёте входят в жизнь Г. Бельгера. «Вершины поэзии. Великие спутники бытия. Наставники и утешители. ... Зрячее око души». Не в этой ли миниатюрной зарисовке из детства – истоки интереса и любви мэтра казахстанской литературы к казахскому слову, к мировой поэзии?!

«Бельгер, человек драматичной, но, можно сказать, гордой и по-своему счастливой судьбы, с детства и юности породненный с красотой и мощью казахского языка, выступает убежденным глашатаем тюрко-германо-славянского единения», – убежден Владислав Владимиров. Писатель не только восхищается богатством казахского языка, колоритом и многообразием, но и выступает его поборником, давно и прочно осознав, что «прежде чем судить о языке, надо им овладеть. Лишь тогда ты станешь истинным патриотом Великой Степи. Да и понять Великую Степь невозможно, не зная ее языка» (С.Елубай).

Тревога за судьбу казахского аула, где вырос писатель и окончил среднюю школу, – характерная черта его эпических повествований. Разлад в доме, ауле, в себе самом – такова главная тематика и проблематика последних по времени создания произведений, в которых романное мышление выступает определяющим. Идея нравственной памяти, сопричастности каждой отдельной личности судьбам всего народа – ведущая в романах «Дом скитальца», «Туюк су», «Разлад», «Зов». Дом скитальца – это его память. Герои произведений Г. Бельгера хранят в памяти Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 28 августа 1941 года. Оценка Указа неоднозначна. Известен он многим, да не понятен. Указ – это своего рода образ-символ репрессий, депортации немецкого этноса, референон проходит через все творчество Г. Бельгера, включая очерки, эссе, повести и рассказы.

Романное творчество Г. Бельгера удивительным образом соединяет прошлое и современность. В романе «Разлад» – современный аул и современный город, неприкаянность старшего поколения, аскакалов, потерявших опору и цель в жизни. Прежние ценности и идеалы остались позади, что впереди – люди преклонного возраста, всю жизнь прожившие в благородном труде, понять их не могут. Разлад в доме, в ауле, в себе самом – так определяет главную тему романа сам автор.

Архетип дома в романе «Туюк су» расширяется до архетипа аула, некогда зажиточного, благополучного, но захиревшего на глазах, словно неизлечимый больной. Расцвет аула пришелся на послевоенные годы, тогда это был совхоз имени Кирова. За последние годы аул переименовали в Туюк су (тихую заводь), и все пошло кривь и вкось. Очутился аул в тупике. Г. К. Бельгер описывает историю аула, население которого всегда было разноликим: казахи, киргизы, сарты, таранчи, татары.

В годы войны появились сначала корейцы («малорослые, молчаливые, изможденные, желтолицые, узкоглазые» трудяги), еще раньше поляки («на всех взирала надменно, гордо, будто все вокруг были виноваты перед ними»). Потом привезли в аул немцев (покладистых, терпеливых, послушных и безотказных). Немцы прижились, стали говорить по-казахски. Поляки после войны уехали.

Но на исходе войны привезли чеченцев и ингушей, карачаевцев, греков, турок, кумыков, крымских татар и прочий люд. На склонах холмов стали лепить свои «плоскокрышие саки, точно птичьи гнезда» чеченцы. Когда чеченцы вернулись на родину, «глиняные времянки, лишенные человеческого присутствия, быстро разрушались, развалились, дожди и ветры разровняли их с землей, а редкие пропелешны на холме вскоре заросли травой и кустарником». Лирическое отступление о судьбе аула, о переменах в его внешнем облике звучит в авторской речи: «Изменился он ... еще и чем-то неуловимым: многоязычной речью и песнями, новым обхождением разных племен, новыми отношениями между людьми, взаимной терпимостью, диковинной мешаниной нравов и обычаев, манерами в быту, раздолбным и задумчивым тамырством».

Концепт исторической памяти является определяющим в романе Г. Бельгера «Туюк су», как и мотив пути: «Люди – песчинка, перекаати-поле. Куда его ветер погонит – лишь Аллах знает». Роман начинается с описания дома, в котором когда-то жил главный герой Эдмунд Ворм, писатель из Германии, очутившийся в Казахстане не по своей воле осенью 1941 года. «Дом свой Эдмунд не узнал. Осевший, обшарпанный, замызганный, дом лишь по общим очертаниям напоминал некогда вымечтанный и по кирпичику собственноручно сложенный добротный особняк». Прожив десять лет в Германии, он возвращается в родные места, вочию видит перемены, вспоминает былое, задается извечным вопросом: «Что значит родина? Что ему казахстанская земля? И кто он на этой земле?» Писатель через внутренний монолог главного героя передает его раздумья о жизни соотечественников на исторической родине: «Мы там, в Германии, на родине предков, за

это время точно десять жизней прожили. И в лагерях теснились, и всю немецкую изнурительную бюрократию извели, и Notwohnung, временное обиталище познали, и на тяготных языковых курсах изнывали, и на социале пожили, и не раз впадали в отчаяние, даже подумывали о возвращении, и душу перелицевали, и безработицу хлебнули, и каких только мытарств не прошли... а былой дом наш в этом азиатском захолустье все эти годы стоял сиротливо-сиротинишкой, заброшенный, запущенный, лишенный внимания и сострадания».

И еще один дом – саманная постройка в форме курджуна. Старый, приземистый, скособоочившийся. И хозяйка его Кумис похожа на осевший по весне сугроб. Не ладятся дела у его хозяев, и дом приходит в запустение.

Далее в тексте художественного произведения по мере развертывания событий встречаются дома-саки, дом – убогая хибара, одинокая келья странника, дом – дукен (комок). Дом Эдмунда «осевший, обшарпанный, замызганный», лишь по общим очертаниям напоминал некогда вымечтанный и по кирпичику собственноручно сложенный добротный особняк. Не было на месте веселого, яркого флюгера-петуха, в крыше зияли дыры, провалы, вместо черепицы – крошившийся по краям шифер, вместо стекла – фанера и картон. «Изгородь пошла вкось и кривь. Ворота скособоочились, точно старый инвалид, краска облупилась, выцвела, калитка испещрена диковинными рисунками и надписями».

Концепт дома в крупных романских повествованиях Г. Бельгера последних лет отсылает нас к одному из ранних произведений «Сосновый дом на краю аула». Современный дом может быть самым разным. «Дом как дом. Таких в здешних краях все еще немало. Казахи их окрестили «коржун-уй». Дом старый, приземистый, скособоочившийся, на отшибе, на краю захлапленного оврага, заросшего ивняком, жимолостью, чертополохом и бурьяном.

Г. Бельгер в романе «Туюк су» показывает казахстанскую и немецкую действительность глазами главного героя, который сопоставляет, сравнивает и делает выводы, порой неутешительные. Германия не стала землей обетованной. На встречах российских немецких писателей (дойче шрифштеллер аус Руссланд) Эдмунда поражала склочная, завистливая атмосфера. «Каждый старался показать и доказать, что он более немец, чем кто-либо другой, более современный, современный, чем его коллега». Берлинец, глухой и капризный старец, выдававший себя за непревзойденного знатока старого и современного немецкого языка, горячо, с неистовым

азартом убеждал: «Кто не пишет по-немецки, тот, разумеется, не немецкий писатель». Все просто и ясно.

Путешествуя по просторам Средней Азии, Эдмунд, любящий степным пейзажем из окна вагона, обратил внимание на то, что не бродят по степи тучные стада, не видно ни отар овец, ни задумчиво отрешенных чабанов. И оттого степь кажется ему «пустой, безжизненной, невеселой. И эта пустота навевала невольно печаль, неизменную спутницу путешественников». Встречный тугой ветер доносит до купе запахи казахской степи, пропитанные «вечным ароматом горькой полыни и вольной ширью. Эти запахи, особенно по весне, как бы возрождали человека, придавали ему силу и ощущение свободы, беспредельности бытия, предвкушение удачи, радости, надежды». От них, степных запахов, «ширится грудь и веселится душа». Не ощущал Эдмунд этого в Германии, с ее дивными, ухоженными полями, зелеными холмами, множеством рек и речушек.

Автор романа передает странное ощущение главного героя, живущего одновременно как бы в двух измерениях: «нынешний зрелый мужчина, на исходе шестого десятилетия, седой, помятый жизнью, встретился невзначай с собой, когда он был совсем еще малец, мало что соображавший в жизни, но крохотным своим сердцем понимающий, чувствующий, что в ней много горя и несуровости». Но не все так плохо, как показалось Эдмунду в начале, вырывает и новое, хорошее. Вновь появляется в романе «Туюк су» знакомый образ учителя Франц Фризена, собирателя фольклора поволжских немцев. Родом из поволжских меннонитов, которые отличались зажиточностью, строгим порядком, молчаливостью, подозрительностью, суровостью нравов, очутился Франц в Кумкентской области. Проработав три года колхозным бухгалтером и наведя образцовый порядок в бумагах, он стал преподавать пение, историю и географию, немецкий и русский языки в школах. Стал заслуженным учителем Республики. Из заброшенной, полуразрушенной мазанки, которую превратил в игрушку, перебрался в отстроенный дом, главным достоинством которого были книги.

Он уверен, что мало что немецкого осталось в Германии, куда любит ездить только в гости к дочери. «Что-то все скособоочилось», – убежден Франц Оттович. После долгой разлуки старый учитель напоминает Эдмунду старого льва. Своими духовниками и собеседниками он считает Гете, Шиллера, Гегеля и Гейне. Их портреты украшают мансарду. В уста Франца Оттовича автор романа вкладывает самые важные размышления о российских немцах. Он – дитя двух культур.

>> Окончание на стр. 12.

К ЮБИЛЕЮ

ПРАВСТВЕННАЯ МИССИЯ ГЕРОЛЬДА БЕЛЬГЕРА

>> Окончание. Начало на стр. 11.

«Русскую или российскую ментальность надобно в нем сберечь..., а немецкую терпеливо и настойчиво культивировать».

Множество актуальнейших вопросов ставит Г.Бельгер, некоторые пока остаются без ответа. Но в том-то и проявляется прозорливость автора, что он одним из первых акцентирует на них внимание. Так кто же он, главный герой романа – бывший спецпереселенец, поздний возвращенец: «Человек без родины? Скиталец с нескладной судьбой? Где тот уголок земли, где утешится и утихнет его душа? Нет ответа...»

В романах «Дом скитальца» и «Туюк су» сходятся воедино главные темы, волновавшие Г.К.Бельгера на протяжении всего его творчества. Эти произведения, являющиеся многоплановыми, с разветвленными сюжетными линиями, обладающими стройной своеобразной композицией, подводят, на наш взгляд, своеобразный итог разрабатываемым ранее темам, поднимают их на новый уровень художественного обобщения, так как в этих произведениях отражены целые пласты истории (репрессии, война, трудовая армия, послевоенное время и современная действительность).

Об удивительной связи казахской литературы с мировой Г.Бельгер размышляет постоянно. Наши литературоведческие контакты освящены исполними и титанами человеческого духа – Гете, Пушкиным и Абаем, каждый из которых «будучи национальным гением, носителем и выразителем национального языка, духа, идеи и менталитета, смог вырваться из сугубо национальных тенет и воспарить над сферой всечеловеческих идеалов и ценностей». Именно в этом – феномен избранников Земли. Из ничего ничего не бывает. Уверен Г.Бельгер. Не бывает и ничего случайного. «Во всем присутствует своя строгая закономерность. И тайна гения объясняется не только востребованностью обстоятельств и всевластного времени, не только воспитанием и средой, но и причудливым сплетением генов, взрывом родовой или многогородовой энергии в одной конкретной личности».

Интересны и захватывающие рассуждения Г. Бельгера о Пушкине. Загадочный русский дух всеохватно сумел выразить Александр Пушкин, человек «причудливо смешанных кровей», глубоко русский по отцовской родословной, полужидоп, полунемец по материнской линии, француз по изначальному воспитанию. Г. Бельгер напоминает, что Пушкин гордился не только древними русскими корнями, но и тем, что его прадед по матери был арап Петра Великого Абрам (Ибрагим) Ганнибал – сын абиссинского князя («салтана»). «Однако о прабабушке – Христине Регине, дочери бравого капитана фон Шеберга, – в своей неоконченной повести поведать не успел. Известно, что генерал Абрам Ганнибал и Христина Регина

прожили в браке 45 лет и умерли в один год – в 1781 году. Одно из их сыновей звали Январий Иосиф или просто Осип – человек ветренный, беззаботный, буйного нрава. Его дочь – Надежда Осиповна – мать великого русского поэта».

Г.Бельгер приходит к удивительным открытиям, круг его исследовательских и читательских интересов поражает. 7 ноября 1804 года имение Захарово было продано «морской артиллерии второго ранга капитана Осипа Абрамова сына Ганнибалова жене ево Марии Алексеевой дочери за 28 тысяч рублей» с 13 крестьянскими дворами и 134 душами». В новом бабушкином имении семья Пушкина проводила летние месяцы на протяжении

дуща, как дрожит-смягчается сердце при знакомых щемящих, неутешных, сладких и горестных звуках нечто неотъемлемого от твоего существа. От чего-то сокровенного, тайного и манящего».

Сокровенное, тайное и манящее – в сердце Герольда Карловича. Благодаря этим удивительным струнам сотворчества и содружества вышел на немецком языке в Берлине поэтический сборник Абая в переводе нашего большого друга Леонарда Кошута. Выход книги «Двадцать стихотворений Абая» на немецком, казахском и русском языках – ярчайшее событие в истории литературных связей Казахстана и Германии. Художественные переводы поэзии великого Абая на немецкий язык

наук, профессор РГГУ Елена Зейферт и первый заместитель председателя МСНК Ольга Мартенс.

Раздел «Творчество» новой Антологии открывается очерком «Скиталец с нескладной судьбой. Г.Бельгер» автора этих строк. В московское издание включены очерки «Из дальней дали... Р.Жакман», «Потаенные уголки памяти. А.Дебольский» и подборка художественных произведений известных писателей и поэтов. Творчество Г.Бельгера представляет повесть «На сопках Манчжурии», являющаяся квинтэссенцией тем депортации, трудового фронта, любви и преданности, верности своим идеалам, ярко воплотившихся впоследствии в крупных полотнах Мастера.

На днях получено письмо из Москвы от Елены Зейферт о планировании издания Хрестомати по прозе российских немцев, в которую войдут рассказы и фрагменты романов Г.Бельгера «Туюк су», «Разлад», «Зов», «Дом скитальца» и А.Дебольского «Истина дороже жизни», «Простые смертные», рассказы из сборника «Огненная грива».

Отвечая на вопросы Нины Паульзен о приоритетных темах творчества современных немецких писателей, Герольд Карлович сформулировал их в следующей последовательности: «Свою национальную боль российский немецкие писатели, думаю, еще не полностью исчерпали, не всецело высказали. Однако пришла пора решительно подняться на новую качественную ступень художественного отражения и осмысления реальной судьбы нашего этноса. Жизнь прошлым, воспоминаниями – значит топтаться на месте, заниматься исключительно перепопом прошлого. А жизнь-то, между тем, круто изменилась, подросли новые поколения, жизнеощущения и представления обрели новые краски, пора встряхнуться, ошестиниться, как говаривал, бывало, покойный Алексей Дебольский, с головой окунуться в сегодняшнюю реальность и усиленно карабкаться на новые вершины. Иначе будем плестись на обочине бытия, в хвосте коговья. А это ведет к духовной стагнации и неминуемому вырождению. Старшее поколение свою нравственную миссию выполнило. А голоса молодых должны звучать по-новому. Таково требование времени».

- *прижиться – sich einleben, sich etablieren; sich eingewöhnen*
- *востребованность – Bedarf, m; Anforderung, f*
- *пласт исследования – Forschungsschicht, f*
- *последовательность – Aufeinanderfolge, f, Reihenfolge, f*
- *требование времени – Erfordernis der Zeit, Zeitgebot, n*

шести лет, вплоть до отъезда Александра в Лицей в 1811 году. В нем будущий поэт отдыхал и резвился летом в окружении любящих его родных и близких людей – бабушки Марии Алексеевны (трогательный памятник М.А. Ганнибал и маленькому Саше установлен недалеко от дома), няни Арины Родионовны и дядьки Никиты Тимофеевича Козлова, который будет с поэтом до последних мгновений его жизни.

Точные критические выводы и обоснованные прогнозы на будущее отличают критику и публицистику Г.Бельгера. Целый пласт его исследований посвящен литературе российских немцев. Сборники статей, литературных портретов, эссе и интервью «Помни имя свое», «В поисках своего ритма», «Координаты» и новый сборник «Ритмы судеб» – о ярких личностях служителей художественному слову, о роли литературы и культуры в современном мире.

В рассказе «Летели однажды пять диких лебедей...» автор-повествователь или нарратор (как модно сейчас обозначать рассказчика) трогательно-откровенно размышляет о родном языке, о своих истоках: «И на склоне лет все чаще припадаешь к светлomu, незасоренному-незамутненному роднику, жадно впитываешь музыку родной речи, чувствуешь, как замирает-млеет

Л.Кошута уже стали объектом заинтересованного научного исследования в целом ряде статей и в разделах коллективной монографии нашего Института «Интеграционные процессы и казахская литература», лауреата Международного конкурса «Лучшая научная книга в гуманитарной сфере – 2013» Межрегионального Центра инновационных технологий в образовании Российской Федерации.

Многогранное творчество Г.Бельгера привлекает внимание немецких и российских издателей, переводчиков, литературоведов и критиков. В декабре 2013 года в Российско-Немецком Доме в Москве в рамках Рождественских вечеров состоялась презентация Антологии литературы российских немцев второй половины XX – начала XXI вв. «Der misstrauischen sonne entgegen...» / «Навстречу недоверчивому солнцу...», изданной Международным союзом немецкой культуры при финансовой поддержке Министерства регионального развития Российской Федерации и Министерства иностранных дел Федеративной Республики Германия. Антологию в Москве представили главный редактор литературно-художественного отдела издательства МСНК-пресс, ответственный редактор Антологии, руководитель редколлегии доктор филологических

DEUTSCHE ALLGEMEINE ZEITUNG - IMPRESSUM:

Доверительный управляющий - Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение»

Главный редактор: Олеся Клименко

ifa-редактор: Доминик Форхельтер

Технический редактор:

Вероника Лихобабина

Литературные редакторы: Лариса Гордеева,

Евгений Гильдебранд

Адрес редакции: 050051, Алматы,

Самал-3, 9, Немецкий Дом

Тел./факс: +7 (727) 263-58-06/08

E-mail: daz.almaty@gmail.com

Газета поставлена на учет в Министерстве информации РК.

Свидетельство о постановке на учет № 1324-Г от 14.06.2000 г.

Тираж 1200 экз. Заказ № 1717.

31 октября 2014 г. № 44 (8759).

Периодичность – 1 раз в неделю.

Отпечатано АО «Алматы-Болашак»,

г. Алматы, ул. Муканова, 223-б;

т. 378-42-00 (бухг.), 378-40-10 (комп.).

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Редакция оставляет за собой право редактирования и публикации присланных материалов.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС: 65414

Bevollmächtigter Herausgeber - Association der gesellschaftlichen Vereinigungen der Deutschen Kasachstans „Wiedergeburt“

Chefredakteurin: Olesja Klimentko

ifa-Redakteur: Dominik Vorhöfeler

Technische Redakteurin:

Veronika Likhobabina

Korrektoren: Larissa Gordejewa,

Eugen Hildebrand

Adresse: Samal-3, 9, Deutsches Haus,

050051, Almaty

Tel.: +7 (727) 263-58-06/08

E-Mail: info@deutsche-allgemeine-zeitung.de

Registrierung: Ministerium für Information der Republik Kasachstan.

Registrations-Nr. 1324-G vom 14.06.2000.

Auflage: 1200. Auftrags-Nr. 1717.

31. Oktober 2014. Nr. 44/8759.

Druckerei: „Almaty-Bolaschak“,

Almaty, Mukanow-Straße 223b;

378-42-00 (Buchhaltung), 378-40-10 (IT)

Die Meinung der Redaktion stimmt nicht in jedem Fall mit der Meinung der Autoren überein.

Für den Inhalt von Anzeigen übernimmt die Redaktion keine Haftung. Unter Verwendung in- und ausländischer Agenturen.